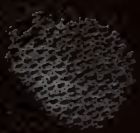


U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

~~YUDIN COLLECTION~~

ПОВѢСТИ

ИЗДАННЫЯ

ПУШКИНЫМЪ.

Изданныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ Александра Сергѣевича Пушкина продаются по слѣдующимъ цѣнамъ:

I.

ПОВѢСТИ..... 6 р.

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ, въ трехъ томахъ каждый по 10 р..... 30.

III.

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА, съ Портретомъ Автора..... 12.

IV.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ..... 5.

V.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ..... 5.

VI.

ПОЛТАВА..... 10.

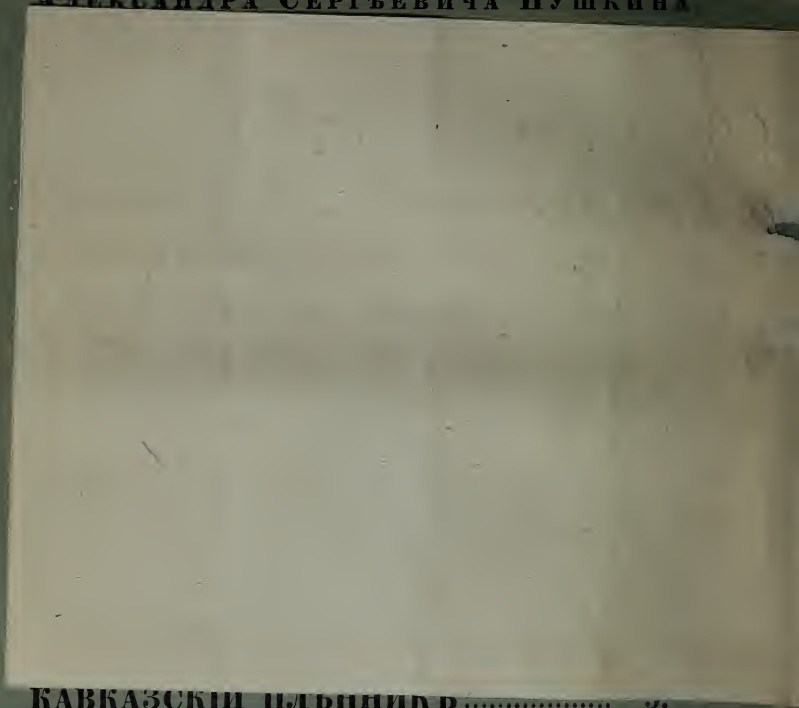
ПОВѢСТИ

Ш. п. №
Повести изданныя
Александромъ Пушкинымъ.
Санктпетербургъ, печатано
въ типографіи Х. Гинце. 1834.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ.
1834.

Изданныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ

Александра Сергѣевича Пушкина



КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ..... 3.

V.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ..... 5.

VI.

ПОЛТАВА..... 10.

ПОВѢСТИ

ИЗДАННЫЯ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ.

1834.

PG3340
.A15
1834

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 19 Іюля 1834 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

104837
'07

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОВѢСТИ ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА.

Стран.

Отъ Издателя ..... 3.

Выстрѣлъ.

I. ..... 15.

II. ..... 31.

Метель. ..... 43.

Гробовщикъ ..... 71.

Станціонный смотритель. ..... 89.

Барышня Крестьянка. ..... 117.

Двѣ главы изъ Историческаго Романа

I. Асамблея при Петрѣ I. ..... 165.

II. Обѣдъ у Русскаго Боярина. ..... 175.

Пиковая Дама.

I. ..... 189.

II. ..... 197.

III. ..... 211.

IV. ..... 225.

V. ..... 233.

VI. ..... 239.

ПОВѢСТИ

ПОКОЙНАГО

ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА.

То, мой батюшка, онъ еще съизмала
къ исторіямъ охотникъ.

СКОТИНИНЪ.

Митрофанъ по мнѣ.

Недоросль.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Взявшись хлопотать объ изданіи Повѣстей И. П. Бѣлкина, предлагаемыхъ нынѣ публикѣ, мы желали къ онымъ присовокупить хотя краткое жизнеописаніе покойнаго Автора, и тѣмъ отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности. Для сего обратились-было мы къ Маріѣ Алексѣевнѣ Трафилиной, ближайшей родственницѣ и наслѣдницѣ Ивана Петровича Бѣлкина; но къ сожалѣнію ей невозможно было намъ доставить никакого о немъ извѣстія, ибо покойникъ вовсе не былъ ей знакомъ. Она совѣтовала намъ отне-

списъ по сему предмету къ одному почтенному мужу, бывшему другомъ Ивану Петровичу. Мы послѣдовали сему совѣту, и на письмо наше получили нижеслѣдующій желаемый отвѣтъ. Помѣщаемъ его безо всякихъ перемѣнъ и примѣчаній, какъ драгоцѣнный памятникъ благороднаго образа мнѣній и прогательнаго дружества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и весьма достаточное біографическое извѣстіе.

Милостивый Государь мой ** **!

Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 15-го сего мѣсяца получить имѣлъ я честь 23 сего же мѣсяца, въ коемъ вы изъявляете мнѣ свое желаніе имѣть подробное извѣстіе о времени рожденія и смерти, о службѣ, о домашнихъ обстоятельствахъ, также и о занятіяхъ и нравѣ покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, бывшаго моего искренняго друга и сосѣда по помѣстьямъ. Съ великимъ моимъ удовольствіемъ исполняю сіе ваше желаніе и препровождаю къ вамъ, Милостивый Государь мой,

все, что изъ его разговоровъ, а также изъ собственныхъ моихъ наблюденій запомнить могу.

Иванъ Петровичь Бѣлкинъ родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей въ 1798 году въ селѣ Горюхинѣ. Покойный отецъ его, Секундъ-Маіоръ Петръ Ивановичь Бѣлкинъ, былъ женатъ на дѣвицѣ Пелагеѣ Гавриловнѣ изъ дому Трафилиныхъ. Онъ былъ человѣкъ не богатый, но умѣренный, и по части хозяйства весьма смышленый. Сынъ ихъ получилъ первоначальное образованіе отъ деревенскаго дьячка. Сему-то почтенному мужу былъ онъ, кажется, обязанъ охотою къ чтенію и занятіямъ по части Русской Словесности. Въ 1815 году вступилъ онъ въ службу въ пѣхотной егерской полкъ (числомъ не упомню), въ коемъ и находился до самаго 1823 года. Смерть его родителей, почти въ одно время приключившаяся, понудила его подать въ отставку и пріѣхать въ село Горюхино, свою отчину.

Вступивъ въ управленіе имѣнія, Иванъ Петровичь, по причинѣ своей неопытности и мягкосердія, въ скоромъ времени запустилъ хозяйство и ослабилъ строгой порядокъ, заведенный покойнымъ его родителемъ. Смѣнивъ исправнаго и расторопнаго старосту, коимъ крестьяне его (по ихъ привычкѣ) были недовольны, поручилъ онъ управленіе села старой своей ключницѣ, пріобрѣтшей его довѣренность искусствомъ расказывать исторіи. Сія глупая старуха не умѣла никогда различить двадцатипятирублевой ассигнаціи отъ пятидесятирублевой; крестьяне, коимъ она всѣмъ была кума, ея вовсе не боялись; ими выбранный староста до того имъ потворствовалъ, плутуя заодно, что Иванъ Петровичь принужденъ былъ отмѣнить барщину и учредить весьма умѣренный оброкъ; но и тутъ крестьяне, пользуясь его слабостію, на первый годъ выпросили себѣ нарочитую льготу, а въ слѣдующіе, болѣе двухъ третей оброка платили

орѣхами, брусникою и тому подобнымъ; и тутъ были недоимки.

Бывъ пріятель покойному родителю Ивана Петровича, я почиталъ долгомъ предлагать и сыну свои совѣты, и неоднократно вызывался возстановить прежній, имъ упущенный, порядокъ. Для сего, пріѣхавъ однажды къ нему, потребовалъ я хозяйственныя книги, призвалъ плуша старосту, и въ присутствіи Ивана Петровича занялся разсмотрѣніемъ оныхъ. Молодой хозяинъ сначала сталъ слѣдовать за мною со всевозможнымъ вниманіемъ и прилѣжностію; но какъ по щетамъ оказалось, что въ послѣдніе два года число крестьянъ умножилось, число же дворовыхъ птицъ и домашняго скота нарочито уменшилось, то Иванъ Петровичь довольствовался симъ первымъ свѣдѣніемъ и далѣе меня не слушалъ, и въ ту самую минуту, какъ я своими разысканіями и строгими допросами плуша старосту въ крайнее замѣшательство привелъ, и къ совершенному безмолвію принудилъ, съ великою моею досадою

услышалъ я Ивана Петровича крѣпко храпящаго на своемъ стулѣ. Съ тѣхъ поръ пересталъ я вмѣшиваться въ его хозяйственныя распоряженія и предалъ его дѣла (какъ и онъ самъ) распоряженію Всевышняго.

Сіе дружескихъ нашихъ сношеній ни сколько впрочемъ не разстроило; ибо я, соболѣзнуя его слабости и пагубному нерадѣнію, общему молодымъ нашимъ дворянамъ, искренно любилъ Ивана Петровича; да не льзя было и не любить молодаго человѣка столь кроткаго и честнаго. Съ своей стороны Иванъ Петровичь оказывалъ уваженіе къ моимъ лѣтамъ и сердечно былъ ко мнѣ приверженъ. До самый кончины своей онъ почти каждый день со мною видѣлся, дорожа простою моею бесѣдою, хотя ни привычками, ни образомъ мыслей, ни нравомъ, мы большею частію другъ съ другомъ не сходствовали.

Иванъ Петровичь велъ жизнь самую умѣренную, избѣгалъ всякаго рода излишествъ; никогда не случалось мнѣ ви-

дѣшь его навеселѣ (что въ краю нашемъ за неслыханное чудо почесться можетъ); къ женскому же полу имѣлъ онъ великую склонность, но стыдливость была въ немъ истинно дѣвическая (*).

Кромѣ повѣстей, о которыхъ въ письмѣ вашемъ упоминать изволите, Иванъ Петровичъ оставилъ множество рукописей, которыя частію у меня находятся, частію употреблены его ключницею на разныя домашнія потребы. Такимъ образомъ прошлою зимою всѣ окна ея флигеля заклеены были первою частію романа, котораго онъ не кончилъ. Вышеупомянутыя повѣсти были, кажется, первымъ его опытомъ. Онѣ, какъ сказывалъ Иванъ Петровичъ, большею частію справедливы и слышаны имъ отъ разныхъ особъ (**).

(*) Слѣдуетъ анекдотъ, коего мы не помѣщаемъ, полагая его излишнимъ; вирочемъ увѣряемъ читателя, что онъ ничего предосудительнаго памяти Ивана Петровича Бѣлкина въ себѣ не заключаетъ.

(**) Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописи Г. Бѣлкина, надъ каждой повѣстію рукою Автора надписано: слышано мною отъ *такой-то особы* (чинъ или званіе и за-

Однакожъ имена въ нихъ почти всѣ вымышлены имъ самимъ, а названія селъ и деревень заимствованы изъ нашего околодка, отъ чего и моя деревня гдѣ-то упомянута. Сіе произошло не отъ злаго какого либо намѣренія, но единственно отъ недостатка воображенія.

Иванъ Петровичь осенью 1828 года занемогъ простудною лихорадкою, обратившеюся въ горячку, и умеръ, не смотря на неусыпныя старанія уѣзднаго нашего лѣкаря, человѣка весьма искуснаго, особенно въ лѣченіи закоренѣлыхъ болѣзней, какъ-то мозолей, и тому подобнаго. Онъ скончался на моихъ рукахъ на 30-мъ году отъ рожденія, и похороненъ въ церкви села Горюхина близъ покойныхъ его родителей.

главныя буквы имени и фамиліи). Выписываемъ для любопытныхъ изыскателей: *Смотритель* разсказанъ былъ ему Титулярнымъ Совѣтникомъ А. Г. Н., *Выстрѣлъ* Подполковникомъ И. Л. П., *Гробовщикъ* прикащикомъ Б. В., *Метель и Барышня* дѣвицею К. И. Т.

Иванъ Петровичь былъ росту средняго, глаза имѣлъ сѣрые, волоса русые, носъ прямой; лицемъ былъ бѣлъ и худощавъ.

Вотъ, Милостивый Государь мой, все, что могъ я припомнить, касательно образа жизни, занятій, нрава и наружности покойнаго сосѣда и пріятеля моего. Но въ случаѣ, если заблагоразсудите сдѣлать изъ сего моего письма какое либо употребленіе, всепокорнѣйше прошу никакъ имени моего не упоминать; ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но въ сіе званіе вступить полагаю излишнимъ и въ мои лѣта неприличнымъ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и проч.»

1830 году Ноября 16.
Село Ненарадово.

Почитая долгомъ уважить волю почтеннаго друга Автора нашего, приносимъ ему глубочайшую благодарность за доставленныя намъ извѣстія, и надѣемся, что публика оцѣнитъ ихъ искренность и добродушіе.

А. П.

ВЫСТРѢЛЪ.

ВЫСТРѢЛЪ.

I.

Стрѣлялись мы.
Баратынскій.

Я поклялся застрѣлить его по праву дуэли
(За нимъ остался еще мой выстрѣлъ).

Вечеръ на бивуакѣ.

Мы стояли въ мѣстечкѣ ***. Жизнь армейскаго офицера извѣстна. Утромъ ученье, манежъ; обѣдъ у Полковаго Командира или въ Жидовскомъ трактирѣ; вечеромъ пуншъ и карты. Въ *** не было ни одного открытаго дома, ни одной невѣсты; мы собирались другъ у друга, гдѣ, кромѣ своихъ мундировъ, не видали ничего.

Одинъ только человѣкъ принадлежалъ нашему обществу, не будучи военнымъ. Ему было около тридцати пяти лѣтъ, и мы за то почитали его старикомъ. Опытность давала ему передъ нами многія преимущества; къ тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нравъ и злой языкъ имѣли сильное вліяніе на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; онъ казался Русскимъ, а носилъ иностранное имя. Нѣкогда онъ служилъ въ Гусарахъ, и даже счастливо; никто не зналъ причины, побудившей его выйти въ отставку и поселиться въ бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ онъ вмѣстѣ и бѣдно и расточительно: ходилъ вѣчно пѣшкомъ, въ изношенномъ черномъ сертукѣ, а держалъ открытый столъ для всѣхъ офицеровъ нашего полка. Правда, обѣдъ его состоялъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, изготовленныхъ отставнымъ солдатомъ, но Шампанское лилось притомъ рѣкою. Никто не зналъ ни его состоянія, ни его доходовъ, и никто не осмѣливался о томъ его спрашивать. У него водились книги, большею частію военныя, да романы.

Онъ охотно давалъ ихъ читать, никогда не требуя ихъ назадъ; за то никогда не возвращалъ хозяину книги, имъ занятой. Главное упражненіе его состояло въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Стѣны его комнаты были всѣ испочены пулями, всѣ въ скважинахъ, какъ соты пчелиные. Богатое собраніе пистолетовъ было единственной роскошью бѣдной мазанки, гдѣ онъ жилъ. Искусство, до коего достигъ онъ, было неимовѣрно, и если бъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого бъ то ни было, никто бъ въ нашемъ полку не усомнился подставить ему своей головы. Разговоръ между нами касался часто поединковъ; Сильвіо (такъ назову его) никогда въ него не вмѣшивался. На вопросъ, случалось ли ему драться, отвѣчалъ онъ сухо, что случалось, но въ подробности не входилъ, и видно было, что таковые вопросы были ему непріятны. Мы полагали, что на совѣсти его лежала какая нибудь несчастная жертва его ужаснаго искусства. Впрочемъ намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что нибудь похожее на робость. Есть люди, коихъ

одна наружность удаляетъ таковыя подозрѣнія. Нечаянный случай всѣхъ насъ изумилъ.

Однажды человѣкъ десять нашихъ офицеровъ обѣдали у Сильвіо. Пили по обыкновенному, то есть очень много; послѣ обѣда стали мы уговаривать хозяина промешать намъ банкъ. Долго онъ отказывался, ибо никогда почти не игралъ; наконецъ велѣлъ подать карты, высыпалъ на столъ полсотни червонцевъ и сѣлъ мешать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвіо имѣлъ обыкновеніе за игрою хранить совершенное молчаніе, никогда не спорилъ и не объяснялся. Если понтёру случалось общитаться, то онъ тотчасъ или доплачивалъ достальное, или записывалъ лишнее. Мы ужъ это знали и не мѣшали ему хозяйничать посвоему; но между нами находился офицеръ, недавно къ намъ переведенный. Онъ, играя тутъ же, въ разсѣянности загнулъ лишній уголъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и уровнялъ счетъ по своему обыкновенію. Офицеръ, думая, что онъ ошибся, пустился въ объясненія Сильвіо молча продолжалъ мешать.

Офицеръ, поперявъ терпѣніе, взялъ щетку и стеръ то, что казалось ему напрасно записаннымъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и записалъ снова. Офицеръ, разгоряченный виномъ, игрою и смѣхомъ товарищей, почелъ себя жестоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ схвативъ со стола мѣдный шандалъ, пустилъ его въ Сильвіо, который едва успѣлъ отклониться отъ удара Мы смутились. Сильвіо всталъ, поблѣднѣлъ отъ злости и съ сверкающими глазами сказалъ : « милостивый государь, извольте выйти и благодарите Бога, что это случилось у меня въ домѣ. »

Мы не сомнѣвались въ послѣдствіяхъ, и полагали новаго товарища уже убитымъ. Офицеръ вышелъ вонъ, сказавъ, что за обиду готовъ отвѣчать, какъ будетъ угодно господину банкометту. Игра продолжалась еще нѣсколько минутъ ; но чувствуя, что хозяину было не до игры, мы отстали одинъ за другимъ и разбрелись по квартирамъ, толкуя о скорой ваканціи.

На другой день въ манежѣ мы спрашивали уже, живъ ли еще бѣдный Поручикъ, какъ

самъ онъ явился между нами; мы сдѣлали ему тотъ же вопросъ. Онъ отвѣчалъ, что объ Сильвіо не имѣлъ онъ еще никакого извѣстія. Это насъ удивило. Мы пошли къ Сильвіо и нашли его на дворѣ, сажающаго пулю на пулю въ туза, приклееннаго къ воротамъ. Онъ принялъ насъ необыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнемъ происшествіи. Прошло три дня, Поручикъ былъ еще живъ. Мы съ удивленіемъ спрашивали: не ужели Сильвіо не будетъ драться? Сильвіо не дрался. Онъ довольствовался очень легкимъ объясненіемъ и помирился.

Это-было чрезвычайно повредило ему во мнѣніи молодежи. Недостатокъ смѣлости менѣе всего извиняется молодыми людьми, которые въ храбрости обыкновенно видятъ верхъ человѣческихъ достоинствъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ. Однакожъ мало по малу все было забыто, и Сильвіо снова пріобрѣлъ прежнее свое вліяніе.

Одинъ я не могъ уже къ нему приблизиться. Имѣя отъ природы романическое воображеніе, я всѣхъ сильнѣе прежде сего былъ привязанъ къ человѣку, коего жизнь

была загадкою, и который казался мнѣ героемъ таинственной какой-то повѣсти. Онъ любилъ меня; по крайней мѣрѣ со мной однимъ оставлялъ обыкновенное свое рѣзкое злорѣчіе и говорилъ о разныхъ предметахъ съ простодушіемъ и необыкновенною пріятностію. Но послѣ нещастнаго вечера, мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной волѣ, эта мысль меня не покидала и мѣшала мнѣ обходиться съ нимъ по прежнему; мнѣ было совѣстно на него глядѣть. Сильвіо былъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы этого не замѣтить и не угадывать тому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мѣрѣ я замѣтилъ раза два въ немъ желаніе со мною объясниться; но я избѣгалъ такихъ случаевъ, и Сильвіо отъ меня отступился. Съ тѣхъ поръ видался я съ нимъ только при товарищахъ, и прежніе откровенные разговоры наши прекратились.

Разсѣянные жители столицы не имѣютъ понятія о многихъ впечатлѣніяхъ столь извѣстныхъ жителямъ деревень или городковъ, напримѣръ, объ ожиданіи почтоваго

дня: во вторникъ и пятницу полковая наша канцелярія была полна офицерами; кто ждалъ денегъ, кто письма, кто газетъ. Пакеты обыкновенно тутъ же распечатывались, новости сообщались, и канцелярія представляла картину самую оживленную. Сильвіо получалъ письма, адресованныя въ нашъ полкъ, и обыкновенно тутъ же находился. Однажды подали ему пакетъ, съ котораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго нетерпѣнія. Пробѣгая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый занятый своими письмами, ничего не замѣтили. «Господа, сказалъ имъ Сильвіо, обстоятельства требуютъ немедленнаго моего отсутствія; ѣду сегодня въ ночь; надѣюсь, что вы не откажетесь отобѣдать у меня въ послѣдній разъ. Я жду и васъ, продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ, жду непремѣнно.» Съ симъ словомъ онъ поспѣшно вышелъ; а мы согласясь соединиться у Сильвіо, розошлись каждый въ свою сторону.

Я пришелъ къ Сильвіо въ назначенное время и нашелъ у него почти весь полкъ. Все его добро было уже уложено; оставались

одни голыя, прострѣленныя стѣны. Мы сѣли за столъ; хозяинъ былъ чрезвычайно въ духѣ, и скоро веселость его содѣлалась общею; пробки хлопали поминутно, стаканы пѣнились и шипѣли безпрестанно, и мы со всевозможнымъ усердіемъ желали отъѣзжающему добраго пути и всякаго блага. Встали изъ за стола уже поздо вечеромъ. При разборѣ фуражекъ, Сильвіо со всѣми прощаясь, взялъ меня за руку и остановилъ въ ту самую минуту, какъ собирался я выйти. «Мнѣ нужно съ вами поговорить,» сказалъ онъ тихо. Я остался.

Гости ушли; мы остались вдвоемъ, сѣли другъ противу друга и молча закурили трубки. Сильвіо былъ озабоченъ; не было уже и слѣдовъ его судорожной веселости. Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза и густой дымъ, выходящій изо рту, придавали ему видъ настоящаго дьявола. Прошло нѣсколько минутъ, и Сильвіо прервалъ молчаніе. «Можетъ быть, мы никогда больше не увидимся,» сказалъ онъ мнѣ; «передъ разлукой я хотѣлъ съ вами объясниться. Вы могли замѣтить, что я мало уважаю

постороннее мнѣніе; но я васъ люблю, и чувствую: мнѣ было бы тягостно оставить въ вашемъ умѣ несправедливое впечатлѣніе. »

Онъ остановился и сталъ набивать выгорѣвшую свою трубку; я молчалъ, потупя глаза.

« Вамъ было странно, » продолжалъ онъ, « что я не требовалъ удовлетворенія отъ этого пьянаго сумазброда Р***. Вы согласитесь, что, имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ, а моя почти безопасна: я могъ бы приписать умѣренность мою одному великодушію, но не хочу лгать. Если бъ я могъ наказать Р***, не подвергая вовсе моей жизни, то я бъ ни за что не простилъ его. »

Я смотрѣлъ на Сильвіо съ изумленіемъ. Таковое признаніе совершенно смутило меня. Сильвіо продолжалъ.

« Такъ точно: я не имѣю права подвергать себя смерти. Шесть лѣтъ тому назадъ я получилъ пощечину, и врагъ мой еще живъ. »

Любопытство мое сильно было возбуждено. « Вы съ нимъ не дрались ? » спросилъ я. « Обстоятельства вѣрно васъ разлучили ? »

« Я съ нимъ дрался, » отвѣчалъ Сильвіо, « и вотъ памятникъ нашего поединка. »

Сильвіо всталъ и вынулъ изъ картона красную шапку съ золотою кистью съ галуномъ (то, что Французы называютъ bonnet de police); онъ ее надѣлъ; она была прострѣлена на вершокъ отъ лба.

« Вы знаете, » продолжалъ Сильвіо, « что я служилъ въ *** Гусарскомъ полку. Характеръ мой вамъ извѣстенъ : я привыкъ первенствовать, но смолоду это было во мнѣ страстію. Въ наше время буйство было въ модѣ : я былъ первымъ буяномъ по арміи. Мы хвастались пьянствомъ : я перепилъ славнаго Б***, воспѣтаго Д. Д — мъ. Дуэли въ нашемъ полку случались поминутно : я на всѣхъ былъ или свидѣтелемъ, или дѣйствующимъ лицемъ. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно смѣняемые, смотрѣли на меня, какъ на необходимое зло.

Я спокойно (или безпокойно) наслаждался моею славою, какъ опредѣлился къ намъ молодой человѣкъ богатой и знатной фамиліи (не хочу назвать его). Отроду не встрѣчалъ счастливца столь блистательнаго! Вообразите себѣ молодость, умъ, красоту, веселость самую бѣшеную, храбрость самую безпечную, громкое имя, деньги, которымъ не зналъ онъ счета и которыя никогда у него не переводились, и представьте себѣ, какое дѣйствіе долженъ былъ онъ произвести между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщенный моею славою, онъ сталъ-было искать моего дружества; но я принялъ его холодно, и онъ безо всякаго сожалѣнія отъ меня удалился. Я его возненавидѣлъ. Успѣхи его въ полку и въ обществѣ женщинъ приводили меня въ совершенное отчаяніе. Я сталъ искать съ нимъ ссоры; на эпиграммы мои отвѣчалъ онъ эпиграммами, которыя всегда казались мнѣ неожиданнѣе и острѣе моихъ, и которыя конечно невпримѣръ были веселѣе: онъ шутилъ, а я злобствовалъ. Наконецъ однажды на балѣ у Польскаго помѣщика, видя его предметомъ вниманія всѣхъ

дамъ, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною въ связи, я сказалъ ему на ухо какую-то плоскую грубость. Онъ вспыхнулъ и далъ мнѣ пощечину. Мы бросились къ саблямъ; дамы попадали въ обморокъ; насъ разняли, и въ ту же ночь поѣхали мы драться.

Это было на разсвѣтѣ. Я стоялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секундантами. Съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я моего противника. Весеннее солнце взошло и жаръ уже наспѣвалъ. Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему навстрѣчу. Онъ приближился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмѣряли намъ двѣнадцать шаговъ. Мнѣ должно было стрѣлять первому: но волненіе злобы во мнѣ было столь сильно, что я не понадѣялся на вѣрность руки, и чтобы дать себѣ время остыть, уступалъ ему первый выстрѣлъ; противникъ мой не соглашался. Положили бросить жребій: первый нумеръ

достался ему, вѣчному любимцу счастія. Онъ прицѣлился и прострѣлилъ мнѣ фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконецъ была въ моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него жадно, стараясь уловить хотя одну тѣнь безпокойства. Онъ стоялъ подъ пистолетомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни, и выплевывая косточки, которыя долетали до меня. Его равнодушіе взбѣсило меня. Что пользы мнѣ, подумалъ я, лишить его жизни, когда онъ ею вовсе не дорожитъ? Злобная мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Я опустилъ пистолетъ. Вамъ кажется теперь не до смерти, сказалъ я ему, вы изволите завтракать; мнѣ не хочется вамъ помѣшать. Вы ни чуть не мѣшаете мнѣ, возразилъ онъ, извольте себѣ стрѣлять, а впрочемъ какъ вамъ угодно; выстрѣлъ вашъ остается за вами; я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ. Я обратился къ секундантамъ, объявивъ, что нынче стрѣлять не намѣренъ, и поединокъ тѣмъ и кончился.

Я вышелъ въ отставку и удалился въ это мѣстечко. Съ тѣхъ поръ не прошло

ни одного дня, чтобъ я не думалъ о мщеніи. Нынѣ часъ мой насталъ ». . . . .

Сильвіо вынулъ изъ кармана упромъ полученное письмо, и далъ мнѣ его читать. Кто-то (казалось, его повѣренный по дѣламъ) писалъ ему изъ Москвы, что ***извѣстная особа*** скоро должна вступить въ законный бракъ съ молодой и прекрасной дѣвушкой.

« Вы догадываетесь, » сказалъ Сильвіо, « кто эта ***извѣстная особа.*** Ѣду въ Москву. Посмотримъ, такъ ли равнодушно приметъ онъ смерть передъ своей свадьбой, какъ нѣкогда ждалъ ее за черешнями! »

При сихъ словахъ Сильвіо всталъ, бросилъ объ полъ свою фуражку и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ тигръ по своей клѣткѣ. Я слушалъ его неподвижно; странныя, противоположныя чувства волновали меня.

Слуга вошелъ и объявилъ, что лошади готовы. Сильвіо крѣпко сжалъ мнѣ руку;

мы поцаловались. Онъ сѣлъ въ тележку, гдѣ лежали два чемодана, одинъ съ писполепами, другой съ его пожитками. Мы простились еще разъ, и лошади поскакали.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и домашнія обстоятельства принудили меня поселиться въ бѣдной деревенькѣ N** уѣзда. Занимаясь хозяйствомъ, я не переставалъ тихонько воздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднѣе было мнѣ привыкнуть проводить весенніе и зимніе вечера въ совершенномъ уединеніи. До обѣда кое-какъ еще дотягивалъ я время, толкуя со старостой, разъѣзжая по работамъ или обходя новыя заведенія; но какъ скоро начинало смеркаться, я совершенно не зналъ, куда дѣваться. Малое число книгъ, найденныхъ мною подъ шкафами и въ кладовой, были вытвержены мною наизустъ. Всѣ сказки, которыя только могла запомнить

клюшница Кириловна, были мнѣ пересказаны; пѣсни бабъ наводили на меня тоску. Принялся я-было за неподслащенную наливку, но опъ нее болѣла у меня голова; да признаюсь, побоялся я сдѣлаться *пьяницею съ горя*, т. е. самымъ *горькимъ* пьяницею, чему примѣровъ множество видѣлъ я въ нашемъ уѣздѣ. Близкихъ сосѣдовъ около меня не было, кромѣ двухъ или трехъ *горькихъ*, коихъ бесѣда состояла большею частію въ икотѣ и воздыханіяхъ. Уединеніе было сноснѣе.

Въ четырехъ верстахъ опъ меня находилось богатое помѣстье, принадлежащее Графинѣ Б***; но въ немъ жилъ только управитель, а Графиня посѣтила свое помѣстье только однажды, въ первый годъ своего замужества, и то прожила тамъ не болѣе мѣсяца. Однакожъ во вторую весну моего затворничества разнесся слухъ, что Графиня съ мужемъ пріѣдетъ на лѣто въ свою деревню. Въ самомъ дѣлѣ, они прибыли въ началѣ Іюня мѣсяца.

Пріѣздъ богатаго сосѣда есть важная эпоха для деревенскихъ жителей. Помѣщики

и ихъ дворовые люди толкуютъ о томъ мѣсяца два прежде и года три спустя. Что касается до меня, то, признаюсь, извѣстіе о прибытіи молодой и прекрасной сосѣдки сильно на меня подѣйствовало; я горѣлъ нетерпѣніемъ ее увидѣть, и потому въ первое Воскресенье по ея пріѣздѣ отправился послѣ обѣда въ село * * * рекомендоваться Ихъ Сіятельствамъ, какъ ближайшій сосѣдъ и всепокорнѣйшій слуга.

Лакей ввелъ меня въ Графской кабинетъ, а самъ пошелъ обо мнѣ доложить. Обширный кабинетъ былъ убранъ со всевозможною роскошью; около стѣнъ стояли шкафы съ книгами, и надъ каждымъ бронзовый бюстъ; надъ мраморнымъ каминомъ было широкое зеркало; полъ обитъ былъ зеленымъ сукномъ и устланъ коврами. Отвыкнувъ отъ роскоши въ бѣдномъ углу моемъ, и уже давно не видавъ чужаго богатства, я оробѣлъ и ждалъ Графа съ какимъ-то трепетомъ, какъ проситель изъ провинціи ждетъ выхода Министра. Двери отворились, и вошелъ мущина лѣтъ придцати двухъ, прекрасный собою.

Графъ приблизился ко мнѣ съ видомъ открытымъ и дружелюбнымъ; я старался ободриться и началъ было себя рекомендовать, но онъ предупредилъ меня. Мы сѣли. Разговоръ его, свободный и любезный, вскорѣ разсѣялъ мою одичалую застѣнчивость; я уже начиналъ входить въ обыкновенное мое положеніе, какъ вдругъ вошла Графиня, и смущеніе овладѣло мною пуще прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, она была красавица. Графъ представилъ меня; я хотѣлъ казаться развязнымъ, но чѣмъ больше старался взять на себя видъ непринужденности, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя неловкимъ. Они, чтобъ дать мнѣ время оправиться и привыкнуть къ новому знакомству, стали говорить между собою, обходясь со мною какъ съ добрымъ сосѣдомъ и безъ церемоніи. Между тѣмъ я сталъ ходить взадъ и впередъ, осматривая книги и картины. Въ картинахъ я не знатокъ, но одна привлекла мое вниманіе. Она изображала какой-то видъ изъ Швейцаріи; но поразила меня въ ней не живопись, а то, что картина была прострѣлена двумя пулями, всаженными одна на другую. «Вотъ

хорошій выстрѣлъ,» сказалъ я, обращаясь къ Графу. — «Да, отвѣчалъ онъ, выстрѣлъ очень замѣчательный. А хорошо вы стрѣляете?» продолжалъ онъ. — «Изрядно,» отвѣчалъ я, обрадовавшись, что разговоръ коснулся наконецъ предмета, мнѣ близкаго. «Въ тридцати шагахъ промаху въ карту не дамъ, разумѣется, изъ знакомыхъ пистолетовъ. — «Право?» сказала Графиня съ видомъ большой внимательности; «а ты, мой другъ, попадешь ли въ карту на тридцати шагахъ?» Когда нибудь, отвѣчалъ Графъ, мы попробуемъ. Въ свое время я стрѣлялъ не худо; но вотъ уже четыре года, какъ я не бралъ въ руки пистолета. — «О, замѣтилъ я, въ такомъ случаѣ бьюсь объ закладъ, что Ваше Сіятельство не попадете въ карту и въ двадцати шагахъ: пистолетъ требуетъ ежедневнаго упражненія. Это я знаю на опытѣ. У насъ въ полку я считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Однажды случилось мнѣ цѣлый мѣсяцъ не брать пистолета: мои были въ починкѣ; что же бы вы думали, Ваше Сіятельство?

Въ первый разъ, какъ сталъ потомъ спрѣлять, я далъ сряду четыре промаха по бутылкѣ въ двадцати пяти шагахъ. У насъ былъ Ротмистръ, острякъ, забавникъ; онъ тутъ случился и сказалъ мнѣ: знать у тебя, братъ, рука не поднимается на бутылку. Нѣтъ, Ваше Сіятельство, не должно пренебрегать этимъ упражненіемъ, не то отвыкнешь какъ разъ. Лучшій стрѣлокъ, котораго удалось мнѣ встрѣчать, стрѣлялъ каждый день, по крайней мѣрѣ три раза передъ обѣдомъ. Это у него было заведено, какъ рюмка водки. Графъ и Графиня рады были, что я разговорился.» — «А каково стрѣлялъ онъ?» спросилъ меня Графъ. «Да вотъ какъ, Ваше Сіятельство: бывало увидитъ онъ, сѣла на стѣну муха: вы смѣетесь, Графиня? Ей Богу, правда. Бывало, увидишъ муху и кричишъ: Кузька, пистолетъ! Кузька и несетъ ему заряженный пистолетъ. Онъ хлопъ, и вдавитъ муху въ стѣну! — «Это удивительно!» сказалъ Графъ; «а какъ его звали?» — «Сильвіо, Ваше Сіятельство.» — «Сильвіо!» вскричалъ Графъ, вскочивъ со своего мѣста;

« вы знали Сильвіо ? » Какъ не знать, Ваше Сіятельство; мы были съ нимъ пріятели; онъ въ нашемъ полку принятъ былъ, какъ свой братъ товарищъ; да вотъ ужъ лѣтъ пять, какъ объ немъ не имѣю никакого извѣстія. Такъ и Ваше Сіятельство стало быть знали его ? » — « Зналъ, очень зналъ. Не разсказывалъ ли онъ вамъ однаго очень страннаго происшествія ? » Не пощечина ли, Ваше Сіятельство, полученная имъ на балѣ отъ какого-то повѣсы ? « А сказывалъ онъ вамъ имя этаго повѣсы ? » Нѣтъ, Ваше Сіятельство, не сказывалъ ... Ахъ ! Ваше Сіятельство, продолжалъ я, догадываясь объ истинѣ, извините... я не зналъ... ужъ не вы ли ? » ... Я самъ, » отвѣчалъ Графъ, съ видомъ чрезвычайно распроеннымъ, « а простѣленная картина есть памятникъ послѣдней нашей встрѣчи » ... « Ахъ, милый мой, » сказала Графиня, « ради Бога не разсказывай; мнѣ страшно будетъ слушать. » « Нѣтъ, » возразилъ Графъ, « я все разскажу; онъ знаетъ, какъ я обидѣлъ его друга : пусть же узнаетъ, какъ Сильвіо мнѣ отомстилъ. » — Графъ подвинулъ мнѣ кресла, и я съ живѣй-

шимъ любопытствомъ услышалъ слѣдующій разсказъ.

« Пять лѣтъ тому назадъ я женился. — Первый мѣсяцъ, the honey-moon, провелъ я здѣсь, въ этой деревнѣ. Этому дому обязанъ я лучшими минутами жизни и однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній.

Однажды вечеромъ ѣздили мы вмѣстѣ верхомъ; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мнѣ поводья и пошла пѣшкомъ домой я поѣхалъ впередъ. На дворѣ увидѣлъ я дорожную телегу; мнѣ сказали, что у меня въ кабинетѣ сидитъ человѣкъ, не хотѣвшій объявить своего имени, но сказавшій просто, что ему до меня есть дѣло. Я вошелъ въ эту комнату, и увидѣлъ въ темнотѣ человѣка запыленнаго и обросшаго бородой; онъ стоялъ здѣсь у камина. Я подошелъ къ нему, стараясь припомнить его черты. Ты не узналъ меня, Графъ? сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. Сильвіо! закричалъ я, и признаюсь, я почувствовалъ, какъ волоса стали вдругъ на мнѣ дыбомъ. Такъ точно, продолжалъ онъ,

выстрѣлъ за мною; я пріѣхалъ разрядить мой пистолетъ; готовъ ли ты? Пистолетъ у него торчалъ изъ боковаго кармана. Я отмѣрилъ двѣнадцать шаговъ, и сталъ тамъ въ углу, прося его выстрѣлить скорѣе, пока жена не воротилась. Онъ медлилъ — онъ спросилъ огня. Подали свѣчи. — Я заперъ двери, не велѣлъ никому входить, и снова просилъ его выстрѣлить. Онъ вынулъ пистолетъ и прицѣлился... Я считалъ секунды.... я думалъ о ней... Ужасная прошла минута! Сильвіо опустилъ руку. Жалѣю, сказалъ онъ, что пистолетъ заряженъ не черешневыми косточками ... пуля тяжела. Мнѣ все кажется, что у насъ не дуэль, а убійство: я не привыкъ цѣлить въ безоруженнаго. Начнемъ сызнова; кинемъ жеребій, кому спрѣлять первому. Голова моя шла кругомъ ... Кажется, я не соглашался.... Наконецъ мы зарядили еще пистолетъ; свернули два билета; онъ положилъ ихъ въ фуражку, нѣкогда мною прострѣленную; я вынулъ опять первый нумеръ. Ты, Графъ, дьявольски счастливъ, сказалъ онъ съ усмѣшкою, которой никогда не забуду. Не пони-

маю, что со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудишь,... но — я выспрѣлилъ, и попалъ вошь въ эту каршину. (Графъ указывалъ пальцемъ на проспрѣленную каршину; лице его горѣло какъ огонь; Графиня была блѣднѣе своего платка: я не могъ воздержаться отъ восклицанія).

Я выспрѣлилъ, продолжалъ Графъ, и слава Богу, далъ промахъ; тогда Сильвіо ... (въ эту минуту онъ былъ, право, ужасенъ) Сильвіо спалъ въ меня прицѣливашься. Вдругъ двери отворились, Маша вбѣгаетъ, и съ визгомъ кидается мнѣ на шею. Ея присутствіе возвратило мнѣ всю бодрость. Милая, сказалъ я ей, развѣ ты не видишь, что мы шутимъ? Какъ же ты перепугалась! поди, выпей спаканъ воды и приди къ намъ; я предспавлю тебѣ спариннаго друга и товарища. Машѣ все еще не вѣрилось. Скажите, правду ли мужъ говоритъ? сказала она, обращаясь къ грозному Сильвіо; правда ли, что вы оба шутите? Онъ всегда шутитъ, Графиня, отвѣчалъ ей Сильвіо; однажды

далъ онъ мнѣ шутя пощечину, шутя прострѣлилъ мнѣ вотъ эту фуражку, шутя далъ сей часъ по мнѣ промахъ; теперь и мнѣ пришла охота пошутить... Съ этимъ словомъ онъ хотѣлъ въ меня прицѣлиться... при ней! Маша бросилась къ его ногамъ. Встань, Маша, стыдно! закричалъ я въ бѣшенствѣ; а вы, сударь, перестанете ли издѣваться надъ бѣдной женщиной? Будете ли вы стрѣлять или нѣтъ? Не буду, отвѣчалъ Сильвіо, я доволенъ: я видѣлъ твое смятеніе, твою робость; я заставилъ тебя выстрѣлить по мнѣ, съ меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совѣсти. Тутъ онъ было вышелъ, но остановился въ дверяхъ, оглянулся на прострѣленную мною картину, выстрѣлилъ въ нее почти не цѣлясь, и скрылся. Жена лежала въ обморокѣ; люди не смѣли его остановить и съ ужасомъ на него глядѣли; онъ вышелъ на крыльце, кликнулъ ямщика, и уѣхалъ, прежде чѣмъ успѣлъ я опомниться.»

Графъ замолчалъ. Такимъ образомъ узналъ я конецъ повѣсти, коей начало нѣкогда такъ поразило меня. Съ героемъ оной уже я не

встрѣчался. Сказываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра Ипсиланти, предводительствовалъ отрядомъ Эпиристовъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скулянами.

МЕТЕЛЬ.

МЕТЕЛЬ.

Кони мчатся по буграмъ,
Топчутъ снѣгъ глубокой....
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокой.

. . . . . .

Вдругъ метелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Вѣщій стонъ гласитъ печаль!
Кони торопливы
Чудно смотрятъ въ темну даль,
Воздымая гривы....

Жуковскій.

Въ концѣ 1811 года, въ эпоху намъ достопамятную, жилъ въ своемъ помѣстьѣ Ненарадовѣ добрый Гаврила Гавриловичь Р**. Онъ славился во всемъ округѣ госпепріимствомъ и радушіемъ; сосѣды поминутно

ѣздили къ нему поѣсть, попить, поиграть по пяти копѣекъ въ бостонъ съ его женою, а нѣкоторые для того, чтобъ поглядѣть на дочку ихъ, Марью Гавриловну, стройную, блѣдную и семнадцатилѣтнюю дѣвицу. Она считалась богатой невѣстою, и многіе прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на Французскихъ романахъ, и слѣдственно была влюблена. Предметъ, избранный ею, былъ бѣдный армейскій Прапорщикъ, находившійся въ отпуску въ своей деревнѣ. Само по себѣ разумѣется, что молодой человѣкъ пылалъ равною страстію, и что родители его любезной, замѣтя ихъ взаимную склонность, запретили дочери о немъ и думать, а его принимали хуже, нежели отставнаго засѣдателя.

Наши любовники были въ перепискѣ, и всякой день видались наединѣ въ сосновой рощѣ или у старой часовни. Тамъ они клялись другъ другу въ вѣчной любви, сѣтовали на судьбу и дѣлали различныя предположенія. Переписываясь и разговаривая такимъ

образомъ, они (что весьма естественно) дошли до слѣдующаго разсужденія: если мы другъ безъ друга дышать не можемъ, а воля жестокихъ родителей препятствуетъ нашему благополучію, то нельзя ли намъ будетъ обойтись безъ нея? Разумѣется, что эта счастливая мысль пришла сперва въ голову молодому человѣку, и что она весьма понравилась романическому воображенію Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила ихъ свиданія; но переписка сдѣлалась тѣмъ живѣе. Владиміръ Николаевичь въ каждомъ письмѣ умоляль ее предаться ему, вѣнчаться тайно, скрываться нѣсколько времени, броситься потомъ къ ногамъ родителей, которые конечно будутъ тронуты наконецъ героическимъ постоянствомъ и несчастіемъ любовниковъ, и скажутъ имъ непремѣнно: Дѣти! придите въ наши объятія.

Марья Гавриловна долго колебалась; множество плановъ побѣга было отвергнуто. Наконецъ она согласилась: въ назначенный день она должна была не ужинать, удалиться въ свою комнату подъ предлогомъ голов-

ной боли. Дѣвушка ея была въ заговорѣ; обѣ онѣ должны были выдти въ садъ черезъ заднее крыльцо, за садомъ найти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать за пять верстъ отъ Ненарадова въ село Жадрино, прямо въ церковь, гдѣ ужъ Владиміръ долженъ былъ ихъ ожидать.

Наканунѣ рѣшительнаго дня, Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бѣлье и платье, написала длинное письмо къ одной чувствительной барышнѣ, ея подругѣ, другое къ своимъ родителямъ. Она прощалась съ ними въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, извиняла свой проступокъ неодолимою силою страсти, и оканчивала тѣмъ, что блаженнѣйшею минутою жизни почтетъ она ту, когда позволено будетъ ей броситься къ ногамъ дражайшихъ ея родителей. Запечатавъ оба письма Тульской печаткой, на которой изображены были два пылающія сердца съ приличной надписью, она бросилась на постель передъ самымъ разсвѣтомъ и задремала; но и тутъ ужасныя мечтанія поминутно ее пробуждали. То казалось ей,

что въ самую минуту, какъ она садилась въ сани, чтобъ ѣхать вѣнчаться, отецъ ея останавливалъ ее, съ мучительной быстротой тащилъ ее по снѣгу и бросалъ въ темное, бездонное подземелье.... и она летѣла стремглавъ съ неизъяснимымъ замираніемъ сердца; то видѣла она Владиміра, лежащаго на травѣ, блѣднаго, окровавленнаго. Онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ поспѣшить съ нимъ обвѣнчаться.... другія безобразныя, безсмысленныя видѣнія неслись передъ нею одно за другимъ. Наконецъ она встала, блѣднѣе обыкновеннаго и съ непритворной головною болью. Отецъ и мать замѣтили ея безпокойство; ихъ нѣжная заботливость и безпрестанные вопросы: что съ тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? раздирали ея сердце. Она старалась ихъ успокоить, казаться веселою, и не могла. Наступилъ вечеръ. Мысль, что уже въ послѣдній разъ провожаетъ она день посреди своего семейства, стѣсняла ея сердце. Она была чуть жива; она втайнѣ прощалась со всѣми особами, со всѣми предметами, ея окружав-

шими. Подали ужинать; сердце ея сильно забилось. Дрожащимъ голосомъ объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться съ отцемъ и матерью. Они ее поцаловали и, по обыкновенію, благословили: она чуть не заплакала. Пришедъ въ свою комнату, она кинулась въ кресла и залилась слезами. Дѣвушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Все было готово. Черезъ полчаса Маша должна была навсегда оставить родительскій домъ, свою комнату, тихую дѣвическую жизнь.... На дворѣ была метель; вѣтеръ выль, ставни тряслися и стучали; все казалось ей угрозой и печальнымъ предзнаменованіемъ. Скоро въ домѣ все утихло и заснуло. Маша окутала шалью, надѣла теплый капотъ, взяла въ руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Онѣ сошли въ садъ. Метель не утихала; вѣтеръ дулъ навстрѣчу, какъ будто силясь остановить молодую преступницу. Онѣ насилу дошли до конца сада. На дорогѣ сани дожидались ихъ. Лошади, прозябнувъ, не стояли на мѣстѣ; кучеръ Владиміра разха-

живалъ передъ оглоблями, удерживая решивыхъ. Онъ помогъ барышнѣ и ея дѣвушкѣ усѣсться и уложить узлы и шкатулку, взялъ возжи, и лошади полетѣли. Поручивъ барышню попеченію судьбы и искуству Терешки кучера, обратимся къ молодому нашему любовнику.

Цѣлый день Владиміръ былъ въ разъѣздѣ. Утромъ былъ онъ у Жадринскаго священника; насилу съ нимъ уговорился; потомъ поѣхалъ искать свидѣтелей между сосѣдними помѣщиками. Первый, къ кому явился онъ, отставной сорокалѣтній Корнетъ Дравинъ, согласился съ охотною. Это приключеніе, увѣряль онъ, напоминало ему прежнее время и гусарскія проказы. Онъ уговорилъ Владиміра остаться у него отобѣдать, и увѣрилъ его, что за другими двумя свидѣтелями дѣло не станетъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ послѣ обѣда явились землемѣръ Шмитъ въ усахъ и шпорахъ, и сынъ Капитанъ-Исправника, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, недавно поступившій въ Уланы. Они не только приняли предложеніе Владиміра, но даже клялись ему въ готовностіи жертво-

вашь для него жизнію. Владиміръ обнялъ ихъ съ восторгомъ, и поѣхалъ домой приготовляшься.

Уже давно смеркалось. Онъ опправилъ своего надежнаго Терешку въ Ненарадово съ своею пройкою и съ подробнымъ, обстоятельнымъ наказомъ, а для себя велѣлъ заложишь маленькія сани въ одну лошадь, и одинъ безъ кучера опправился въ Жадрино, куда часа черезъ два должна была пріѣхашь и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а ѣзды всего двадцашь минушъ.

Но едва Владиміръ выѣхалъ за околицу въ поле, какъ поднялся вѣтеръ и сдѣлалась такая мешель, что онъ ничего не взвидѣлъ. Въ одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ мушной и желтоватой, сквозь которую лешѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею; Владиміръ очушился въ полѣ и напрасно хошѣлъ снова попасшь на дорогу; лошадь ступала наудача и поминушно то взъѣзжала на сугробъ, то проваливалась въ яму; сани поминушно опрокидывались. — Владиміръ спарался только не пошерящь настоящаго направленія.

Но ему казалось, что уже прошло болѣе получаса, а онъ не доѣзжалъ еще до Жадринской рощи. Прошло еще около десяти минутъ; рощи все было не видать. Владиміръ ѣхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Мятель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а съ него потъ катился градомъ, не смотря на то, что онъ поминутно былъ по поясъ въ снѣгу.

Наконецъ онъ увидѣлъ, что ѣдетъ не въ ту сторону. Владиміръ остановился: началъ думать, припоминать, соображать, и увѣрился, что должно было взять ему вправо. Онъ поѣхалъ вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже болѣе часа былъ онъ въ дорогѣ. Жардино должно было быть недалеко. Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы, да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно онъ ихъ поднималъ. Время шло; Владиміръ начиналъ сильно безпокоиться.

Наконецъ въ сторонѣ что-то стало чернѣть. Владиміръ поворотилъ туда. Приближаясь, увидѣлъ онъ рощу. Славу Богу, поду-

малъ онъ, теперь близко. Онъ поѣхалъ около рощи, надѣясь тотчасъ попасть на знакомую дорогу или объѣхать рощу кругомъ: Жадрино находилсоь тотчасъ за нею. Скоро нашелъ онъ дорогу, и въѣхалъ во мракъ деревъ, обнаженныхъ зимою. Вѣтеръ не могъ тутъ свирѣпствовать; дорога была гладкая; лошадъ ободилась и Владиміръ успокоился.

Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а Жадрина было не видать; рощѣ не было конца. Владиміръ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ заѣхалъ въ незнакомый лѣсъ. Отчаяніе овладѣло имъ. Онъ ударилъ по лошади; бѣдное животное пошло-было рысью, но скоро стало приставать и черезъ четверть часа пошло шагомъ, не смотря на всѣ усилія насчастнаго Владиміра.

Мало по малу деревья начали рѣдѣть, и Владиміръ выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули изъ глазъ его; онъ поѣхалъ на удачу. Погода утихла, тучи разходились, передъ нимъ лежала равнина, устланная бѣлымъ волнистымъ ковромъ.

Ночь была довольно ясна. Онъ увидѣлъ невдалекѣ деревушку, состоящую изъ четырехъ или пяти дворовъ. Владиміръ поѣхалъ къ ней. У первой избушки онъ выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и сталъ стучаться. Черезъ нѣсколько минутъ деревянный ставень поднялся и старикъ высунулъ свою сѣдую бороду. « Что те надо ? » — « Далеко ли Жадрино ? » — « Жадрино - то далеко ли ? » — « Да, да! Далеко ли ? » — « Недалече ; верстъ десятокъ будетъ. » При семъ отвѣтѣ Владиміръ схватилъ себя за волосы и остался недвижимъ, какъ человѣкъ, приговоренный къ смерти.

« А отколѣ ты ? » продолжалъ старикъ. Владиміръ не имѣлъ духа отвѣчать на вопросы. « Можешь ли ты, старикъ, сказалъ онъ, достать мнѣ лошадей до Жадрина?» — « Каки у насъ лошади,» отвѣчалъ мужикъ.— « Да не могу ли взять хоть проводника ? Я заплачу, сколько ему будетъ угодно ? » — « Постой, сказалъ старикъ, опуская ставень, я те сына вышлю ; онъ те проводитъ. » Владиміръ сталъ дожидаться. Не прошло минуты, онъ опять началъ сту-

чаться. Спавень поднялся, борода показалась. « Что те надо ? » — « Что жъ твой сынъ ? » — « Сей часъ выдетъ, обувается. Али ты прóзябъ ? взойди погрѣться. » — « Благодарю, высылай скорѣе сына. »

Ворота заскрыпѣли; парень вышелъ съ дубиною, и пошелъ впередъ, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снѣговыми сугробами. « Который часъ ? » спросилъ его Владиміръ. « Да ужъ скоро развѣнетъ, » отвѣчалъ молодой мужикъ. Владиміръ не говорилъ уже ни слова.

Пѣли пѣтухи и было уже свѣтло, какъ достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владиміръ заплатилъ проводнику и поѣхалъ на дворъ къ священнику. На дворѣ тройки его не было. Какое извѣстіе ожидало его !

Но возвратимся къ добрымъ Ненарадовскимъ помѣщикамъ и посмотримъ, что-то у нихъ дѣлается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли въ гостиную, Гаврила Гавриловичь въ колпакѣ и бойковой куртке, Прасковья Петровна въ

шлафрокѣ на вапъ. Подали самоваръ, и Гаврила Гавриловичь послалъ дѣвчонку узнать отъ Марьи Гавриловны, каково ея здоровье и какъ она почивала. Дѣвчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сей часъ придетъ въ гостиную. Въ самомъ дѣлѣ, дверь отворилась и Марья Гавриловна подошла здороваться съ папенькой и съ маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» спросилъ Гаврила Гавриловичь. — «Лучше, папенька,» отвѣчала Маша. — «Ты вѣрно, Маша, вчерась угорѣла,» сказала Прасковья Петровна — «Можетъ быть, маменька,» отвѣчала Маша.

День прошелъ благополучно, но въ ночь Маша занемогла. Послали въ городъ за лѣкаремъ. Онъ пріѣхалъ къ вечеру и нашелъ больную въ бреду. Открылась сильная горячка, и бѣдная больная двѣ недѣли находилась у края гроба.

Никто въ домѣ не зналъ о предположенномъ побѣгѣ. Письма, на канунѣ ею напи-

санныя, были сожжены; ея горничная никому ни о чемъ не говорила, опасаясь гнѣва господъ. Священникъ, отставной корнетъ, усастый землемѣръ и маленькій Уланъ были скромны, и не даромъ. Терешка кучеръ никогда ничего лишняго не высказывалъ, даже и въ хмѣлю. Такимъ образомъ тайна была сохранена болѣе, чѣмъ полудюжиною заговорщиковъ. Но Марія Гавриловна сама, въ безпрестанномъ бреду, высказывала свою тайну. Однакожъ ея слова были столь несообразны ни съ чѣмъ, что мать, ее отходившая отъ ея постели, могла понять изъ нихъ только то, что дочь ея была смертельно влюблена во Владиміра Николаевича, и что вѣроятно любовь была причиною ея болѣзни. Она совѣтовалась со своимъ мужемъ, съ нѣкоторыми сосѣдами, и наконецъ единогласно всѣ рѣшили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженаго конемъ не объѣдешь, что бѣдность не порокъ, что жить не съ богатствомъ, а съ человѣкомъ, и тому подобное. Нравственныя поговорки бываютъ удивительно полезны въ тѣхъ случаяхъ,

когда мы опъ себя мало что можемъ выдумать себѣ въ оправданіе.

Между тѣмъ барышня стала выздоравливать. Владиміра давно не видно было въ домѣ Гаврилы Гавриловича. Онъ былъ напуганъ обыкновеннымъ пріемомъ. Положили послать за нимъ и объявить ему неожиданное счастіе: согласіе на бракъ. Но каково было изумленіе Ненарадовскихъ помѣщиковъ, когда въ отвѣтъ на ихъ приглашеніе получили они отъ него полусумасшедшее письмо! Онъ объявлялъ имъ, что нога его не будетъ никогда въ ихъ домѣ, и просилъ забыть о несчастномъ, для котораго смерть остается единою надеждою. Черезъ нѣсколько дней узнали они, что Владиміръ уѣхалъ въ армію. Это было въ 1812 году.

Долго не смѣли объявить объ этомъ выздоравливающей Машѣ. Она никогда не упоминала о Владимірѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ уже спустя, нашедъ имя его въ числѣ отличившихся и тяжело раненыхъ подъ Бородинымъ, она упала въ обморокъ и боялась, чтобъ горячка ея не возвратилась. Однако, слава Богу, обморокъ не имѣлъ послѣдствія.

Другая печаль ее посѣтила: Гаврила Гавриловичь скончался, оставя ее наслѣдницей всего имѣнія. Но наслѣдство не утѣшало ея; она раздѣляла искренно горесть бѣдной Прасковьи Петровны, клялась никогда съ нею не разставаться; обѣ онѣ оставили Ненарадово, мѣсто печальныхъ воспоминаній, и поѣхали жить въ ***ское помѣстье.

Женихи кружились и шутъ около милой и богатой невѣсты: но она никому не подавала и малѣйшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себѣ друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владиміръ уже не существовалъ: онъ умеръ въ Москвѣ, наканунѣ вступленія Французовъ. Память его казалась священною для Маши; по крайней мѣрѣ она берегла все, что могло его напомнить: книги, имъ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ноты и стихи, имъ переписанные для нея. Сосѣды, узнавъ обо всемъ, дивились ея постоянству и съ любопытствомъ ожидали Героя, долженствовавшаго наконецъ воспор-

жествовать надъ печальной вѣрностію этой дѣвственной Аргемизы.

Между тѣмъ война со славою была кончена. Полки наши возвращались изъ-за границы. Народъ бѣжалъ имъ навстрѣчу. Музыка играла завоеванныя пѣсни: Vive Henri-Quatre, Тирольскіе вальсы и аріи изъ Жоконда. Офицеры, ушедшіе въ походъ почти отроками, возвращались, возмужавъ на бранномъ воздухѣ, обвѣшенные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмѣшивая поминутно въ рѣчь Нѣмецкія и Французскія слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Какъ сильно билось Русское сердце при словѣ Отечество! Какъ сладки были слезы свиданія! Съ какимъ единодушіемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ Государю! А для Него, какая была минута!

Женщины, Русскія женщины были тогда безподобны. Обыкновенная холодность ихъ исчезла. Восторгъ ихъ былъ истинно упоителенъ, когда, встрѣчая побѣдителей, кричали онѣ: *ура!*

И въ воздухъ чепчики бросали.

Кто изъ тогдашнихъ Офицеровъ не сознается, что Русской женщинѣ обязанъ онъ былъ лучшей, драгоцѣннѣйшей наградой?....

Въ это блистательное время Марья Гавриловна жила съ матерью въ *** Губерніи, и не видала, какъ обѣ столицы праздновали возвращеніе войскъ. Но въ уѣздахъ и деревняхъ общій восторгъ, можетъ быть, былъ еще сильнѣе. Появленіе въ сихъ мѣстахъ офицера было для него настоящимъ торжествомъ, и любовнику во фракѣ плохо было въ его сосѣдствѣ.

Мы уже сказывали, что, не смотря на ея холодность, Марья Гавриловна все попрежнему окружена была искателями. Но всѣ должны были отступить, когда явился въ ея замкѣ раненый Гусарской Полковникъ Бурминъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и *съ интересной блѣдностію*, какъ говорили тамошнія барышни. Ему было около двадцати шести лѣтъ. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ въ свои помѣстья, находившіяся по сосѣдству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При немъ

обыкновенная задумчивость ея оживлялась. Нельзя было сказать, чтобъ она съ нимъ кокетничала; но Поэтъ, замѣтя ея поведеніе, сказалъ бы:

Se amor non è, che dunche?...

Бурминъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень милый молодой человѣкъ. Онъ имѣлъ именно тотъ умъ, который нравится женщинамъ: умъ приличія и наблюденія, безо всякихъ притязаній и безпечно насмѣшливый. Поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно; но чтобъ она ни сказала или ни сдѣлала, душа и взоры его такъ за нею и слѣдовали. Онъ казался нрава тихаго и скромаго, но молва увѣряла, что нѣкогда былъ онъ ужаснымъ повѣсою, и это не вредило ему во мнѣніи Марьи Гавриловны, которая (какъ и всѣ молодыя дамы вообще) съ удовольствіемъ извиняла шалости обнаруживающія смѣлость и пылкость характера.

Но болѣе всего.... (болѣе его нѣжности, болѣе пріятнаго разговора, болѣе интересной блѣдности, болѣе перевязанной руки) молчаніе молодаго Гусара болѣе всего под-

стрекало ея любопытство и воображеніе. Она не могла не сознаваться въ томъ, что она очень ему нравилась; вѣроятно и онъ, съ своимъ умомъ и опытностью, могъ уже замѣтить, что она отличала его: какимъ же образомъ до сихъ поръ не видала она его у своихъ ногъ и еще не слыхала его признанія? Что удерживало его? робость, гордость или кокетство хитраго волокиты? Это было для нея загадкою. Подумавъ хорошенько, она рѣшила, что робость была единственно тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностію, и смотря по обстоятельствамъ, даже нѣжностію. Она пріуготовляла развязку самую неожиданную и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты романическаго объясненія. Тайна, какого роду ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Ея военныя дѣйствія имѣли желаемый успѣхъ: по крайней мѣрѣ, Бурминъ впалъ въ такую задумчивость, и черные глаза его съ такимъ огнемъ останавливались на Марьи Гавриловнѣ, что рѣшительная минута, казалось, уже близка. Сосѣды говорили о свадьбѣ, какъ о дѣлѣ уже

конченномъ, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ея наконецъ нашла себѣ достойнаго жениха.

Старушка сидѣла однажды одна въ гостиной, раскладывая гранъ-пасьянсъ, какъ Бурминъ вошелъ въ комнату и тотчасъ освѣдомился о Марьѣ Гавриловнѣ. « Она въ саду, отвѣчала старушка; подите къ ней а я васъ буду здѣсъ ожидать. » Бурминъ пошелъ, а старушка перекрестилась и подумала: авось дѣло сего дня же кончится!

Бурминъ нашелъ Марью Гавриловну у пруда, подъ ивою, съ книгою въ рукахъ, и въ бѣломъ платьѣ, настоящей героинею романа. Послѣ первыхъ вопросовъ, Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговоръ, усиливая такимъ образомъ взаимное замѣшательство, отъ котораго можно было избавиться развѣ только внезапнымъ и рѣшительнымъ объясненіемъ. Такъ и случилось: Бурминъ, чувствуя затруднительность своего положенія, объявилъ, что искалъ давно случая открыть ей свое сердце, и потребовалъ минуты вниманія.

Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза въ знакъ согласія.

« Я васъ люблю, сказалъ Бурминъ, я васъ люблю страстно.... » (Марья Гавриловна покраснѣла и наклонила голову еще ниже). « Я поступилъ неосторожно, предаясь милой привычкѣ, привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно... » (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux.) « Теперь уже поздно пропивиться судьбѣ моей; воспоминаніе объ васъ, вашъ милый, несравненный образъ, отнынѣ будетъ мученіемъ и отрадою жизни моей; но мнѣ еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вамъ ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду... » — « Она всегда существовала, прервала съ живостію Марья Гавриловна, я никогда не могла быть вашею женою.... » — « Знаю, отвѣчалъ онъ ей тихо, знаю, что нѣкогда вы любили, но смерть и три года сѣтованій.... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня послѣдняго утѣшенія: мысль, что вы бы согласились сдѣлать мое счастіе, если бы... молчите,

ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да я знаю. Я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнѣйшее созданіе... я женатъ!»

Марья Гавриловна взглянула на него съ удивленіемъ.

«Я женатъ, продолжалъ Бурминъ; я женатъ уже четвертой годъ и не знаю, кто моя жена, и гдѣ она, и долженъ ли свидѣться съ нею когда нибудь!»

«Что вы говорите?» воскликнула Марья Гавриловна; «какъ это странно! Продолжайте; я раскажу послѣ... но продолжайте, сдѣлайте милость.»

«Въ началѣ 1812 года, сказалъ Бурминъ, я спѣшилъ въ Вильну, гдѣ находился нашъ полкъ. Пріѣхавъ однажды на станцію поздно вечеромъ, я велѣлъ-было поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная мешель, и смотритель и ямщики совѣтовали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но непонятное безпокойство овладѣло мною; казалось, кто-то меня такъ и толкалъ. Между тѣмъ мешель не унималась; я не вытерпѣлъ, приказалъ опять закладывать

и поѣхалъ въ самую бурю. Ямщику вздумалось ѣхать рѣкою, что должно было сократить намъ путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщикъ проѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ выѣзжали на дорогу, и такимъ образомъ очутились мы въ незнакомой сторонѣ. Буря не утихала; я увидѣлъ огонекъ, и велѣлъ ѣхать туда. Мы пріѣхали въ деревню; въ деревянной церкви былъ огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло нѣсколько саней; по паперти ходили люди. « Сюда! сюда! » закричало нѣсколько голосовъ. Я велѣлъ ямщику подъѣхать. « Помилуй, гдѣ ты замѣшкался? » сказалъ мнѣ кто-то; « невѣста въ обморокѣ; попъ не знаетъ, что дѣлать; мы готовы были ѣхать назадъ. Выходи же скорѣе. » Я молча выпрыгнулъ изъ саней и вошелъ въ церковь, слабо освѣщенную двумя или тремя свѣчами. Дѣвушка сидѣла на лавочкѣ въ темномъ углу церкви; другая терла ей виски. « Слава Богу, сказала эта, насилу вы пріѣхали. Чуть-было вы барышню не уморили. » Старый священникъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: « Прикажете начинать? » — « Начинайте, начи-

найше, батюшка, » отвѣчалъ я разсѣянно. Дѣвушку подняли. Она показалась мнѣ не дурна .... Непонятная, непростительная вѣтреность .... я сталъ подлѣ нея передъ налоемъ; священникъ торопился; прое мущинъ и горничная поддерживали невѣсту и заняты были только ею. Насъ обвѣнчали. « Поцалуйтесь, » сказали намъ. Жена моя обратила ко мнѣ блѣдное свое лице. Я хотѣлъ было ее поцаловать... Она вскрикнула: « Ай, не онъ! не онъ! » и упала безъ памяти. Свидѣтели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышелъ изъ церкви безо всякаго препятствія, бросился въ кибитку и закричалъ: пошелъ!

«Боже мой!» закричала Марья Гавриловна; « и вы не знаете, что сдѣлалось съ бѣдною вашею женою? »

« Не знаю, отвѣчалъ Бурминъ; не знаю, какъ зовутъ деревню, гдѣ я вѣнчался; не помню, съ которой станціи поѣхалъ. Въ то время я такъ мало полагалъ важности въ преступной моей проказѣ, что, отъѣхавъ отъ церкви, заснулъ, и проснулся на другой день поутру, на третьей уже

станціи. Слуга, бывшій тогда со мною, умеръ въ походѣ, такъ, что я не имѣю и надежды отыскать ту, надъ которой подшутилъ я такъ жестоко, и которая теперь такъ жестоко отомщена.»

«Боже мой, Боже мой!» сказала Марья Гавриловна, схвативъ его руку; «такъ это были вы! И вы не узнаете меня?»

Бурминъ поблѣднѣлъ.... и бросился къ ея ногамъ....

ГРОБОВЩИКЪ.

PROSODIARS.

ГРОБОВЩИКЪ.

Не зримъ ли каждый день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?

Державинъ.

Послѣдніе пожитки гробовщика Адріана Прохорова были взвалены на похоронныя дроги, и тощая пара въ четвертый разъ потащилась съ Басманной на Никитскую, куда гробовщикъ переселялся всѣмъ своимъ домомъ. Заперевъ лавку, прибилъ онъ къ воротамъ объявленіе о томъ, что домъ продается и отдается внаймы, и пѣшкомъ отправился на новоселье. Приближаясь къ желтому домику, такъ давно соблазнявшему его воображеніе и наконецъ купленному имъ за порядочную сумму, старый гробовщикъ

чувствовалъ съ удивленіемъ, что сердце его не радовалось. Переступивъ за незнакомый порогъ и нашедъ въ новомъ своемъ жилищѣ сумашоху, онъ вздохнулъ о ветхой лачужкѣ, гдѣ въ теченіи осьмнадцати лѣтъ все было заведено самымъ спрогимъ порядкомъ; спалъ бранишь обѣихъ своихъ дочерей и работницу за ихъ медленность, и самъ принялся имъ помогать. Вскорѣ порядокъ установился; кивотъ съ образами, шкапъ съ посудою, столъ, диванъ и кровать заняли имъ опредѣленные углы въ задней комнатѣ; въ кухнѣ и гостиной помѣстились издѣлія хозяина: гробы всѣхъ цвѣтовъ и всякаго размѣра, также шкапы съ траурными шляпами, мантіями и факелами. Надъ воротами возвысилась вывѣска, изображающая дороднаго Амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, съ подписью: « здѣсь продаются и обиваются гробы простые и крашеные, также отдаются на прокатъ и починяются старые. » Дѣвушки ушли въ свою свѣтлицу, Адріанъ обошелъ свое жилище, сѣлъ у окошка и приказалъ готовить самоваръ.

Просвѣщенный читатель вѣдаетъ, что Шекспиръ и Вальтеръ Скоттъ оба представили своихъ гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностію сильнѣе поразить наше воображеніе. Изъ уваженія къ истинѣ мы не можемъ слѣдовать ихъ примѣру, и принуждены признаться, что нравъ нашего гробовщика совершенно соотвѣтствовалъ мрачному его ремеслу. Адріанъ Прохоровъ обыкновенно былъ угрюмъ и задумчивъ. Онъ разрѣшалъ молчаніе развѣ только для того, чтобъ журить своихъ дочерей, когда заставалъ ихъ безъ дѣла глазѣющихъ въ окно на прохожихъ, или чтобъ запрашивать за свои произведенія преувеличенную цѣну у тѣхъ, которые имѣли несчастіе (а иногда и удовольствіе) въ нихъ нуждаться. И такъ Адріанъ, сидя подъ окномъ, и выпивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновенію былъ погруженъ въ печальныя размышленія. Онъ думалъ о проливномъ дождѣ, который, за недѣлю тому назадъ, встрѣтилъ у самой заставы похороны отставнаго Бригадира. Многія мантіи отъ того съузились, многія

шляпы покоробились. Онъ предвидѣлъ неминуемые расходы, ибо давній запасъ гробовыхъ нарядовъ приходилъ у него въ жалкое состояніе. Онъ надѣялся вымѣстить убытокъ на старой купчихѣ Трюхиной, которая уже около года находилась при смерти. Но Трюхина умирала на Разгуляѣ, и Прохоровъ боялся, чтобъ ея наслѣдники, не смотря на свое обѣщаніе, не полѣнились послать за нимъ въ такую даль и не спорговались бы съ ближайшимъ подрядчикомъ.

Сіи размышленія были прерваны нечаянно тремя Фран-масонскими ударами въ дверь. « Кто тамъ ? » спросилъ гробовщикъ. Дверь отворилась, и человѣкъ, въ которомъ съ перваго взгляду можно было узнать Немца ремесленника, вошелъ въ комнату, и съ веселымъ видомъ приблизился къ гробовщику. « Извините, любезный сосѣдъ, » сказалъ онъ тѣмъ Русскимъ нарѣчіемъ, которое мы безъ смѣха донынѣ слышать не можемъ, « извините, что я вамъ помѣшалъ .... я желалъ поскорѣе съ вами познакомиться. Я сапожникъ, имя мое Готлибъ Шульцъ, и живу отъ васъ черезъ улицу, въ этомъ домикѣ,

что прошивъ вашихъ окопецъ. — Завтра праздную мою серебряную свадьбу, и я прошу васъ и вашихъ дочекъ откобѣдать у меня попріятельски.» — Приглашеніе было благосклонно принято. Гробовщикъ просилъ сапожника садишься и выкушать чашку чаю, и благодаря открытому нраву Готлиба Шульца, вскорѣ они разговорились дружелюбно. «Каково торгуетъ ваша милость?» спросилъ Адріанъ. — «Э хе хе,» отвѣчалъ Шульцъ, «и шакъ и сякъ. Пожаловаться не могу. Хотъ конечно мой товаръ не то, что вашъ: живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не живетъ.» — «Сущая правда,» замѣтилъ Адріанъ; «однако жъ, если живому не на что купить сапогъ, то, не прогнѣвайся, ходитъ онъ и босой; а нищій мертвецъ и даромъ беретъ себѣ гробъ.» Такимъ образомъ бесѣда продолжалась у нихъ еще нѣсколько времени; наконецъ сапожникъ всталъ и проспился съ гробовщикомъ, возобновляя свое приглашеніе.

На другой день, ровно въ двѣнадцать часовъ, гробовщикъ и его дочери вышли изъ калитки новокупленнаго дома, и отправи-

лись къ сосѣду. Не стану описывать ни Русскаго кафтана Адріана Прохорова, ни Европейскаго наряда Акулины и Дарьи, отступая въ семъ случаѣ отъ обычая, принятаго нынѣшними Романистами. Полагаю, однакожъ, не излишнимъ замѣтить, что обѣ дѣвицы надѣли желтыя шляпки и красные башмаки, что бывало у нихъ только въ торжественные случаи.

Тѣсная кварширка сапожника была наполнена гостями, большею частію Нѣмцами ремесленниками, съ ихъ женами и подмастерьями. Изъ Русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ, Чухонецъ Юрко, умѣвшій пріобрѣсти, не смотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность хозяина. Лѣтъ двадцать пять служилъ онъ въ семъ званіи вѣрой и правдою; какъ почталіонъ Погорѣльскаго. Пожаръ двѣнадцатаго года, уничтоживъ первопрестольную столицу, истребилъ и его желтую будку. Но тотчасъ, по изгнаніи врага, на ея мѣстѣ явилась новая, сѣренькая съ бѣлыми колонками Дорическаго ордена, и Юрко сталъ опять расхаживать около нея *съ скукой и въ*

бронь сержжной. Онъ былъ знакомъ большей часши Нѣмцевъ, живущихъ около Никишскихъ ворошъ: инымъ изъ нихъ случалось даже ночевашь у Юрки съ Воскресенья на Понедѣльникъ. Адріанъ тошчасъ познакомился съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, въ кошоромъ рано или поздно можешъ случишься имѣшь нужду, и какъ гости пошли за столъ, то они сѣли вмѣсшѣ. Господинъ и Госпожа Шульцъ и дочка ихъ, семнадцапилѣшняя Лошхенъ, обѣдая съ гостями всѣ вмѣсшѣ, угощали и помогали кухаркѣ служишь. Пиво лилось. Юрко ѣлъ зачепверыхъ; Адріанъ ему не усшупалъ; дочери его чинились; разговоръ на Нѣмецкомъ языкѣ часъ опъ часу дѣлался шумнѣе. Вдругъ хозяинъ попребовалъ вниманія, и опкупоривая засмоленую бупылку, громко произнесъ порусски: « За здоровье моей доброй Луизы! » Полушампанское запѣнилось. Хозяинъ нѣжно поцаловалъ свѣжее лице сорокалѣшней своей подруги, и гости шумно выпили здоровье доброй Луизы. « За здоровье любезныхъ госпей моихъ! » провозгласилъ хозяинъ, опкупоривая впорую бупылку — и гости

благодарили его, осушая вновь свои рюмки. Тутъ начали здоровья слѣдовать одно за другимъ: пили здоровье каждаго гостя особливо, пили здоровье Москвы и цѣлой дюжины Германскихъ городковъ, пили здоровье всѣхъ цѣховъ вообще и каждаго въ особенности, пили здоровье масперовъ и подмастерьевъ. Адріанъ пилъ съ усердіемъ, и до того развеселился, что самъ предложилъ какой-то шутливый тостъ. Вдругъ одинъ изъ гостей, толстой булочникъ, поднялъ рюмку и воскликнулъ: «За здоровье тѣхъ, на которыхъ мы работаемъ, unserer Kundleute!» Предложеніе, какъ и всѣ, было принято радостно и единодушно. Гости начали другъ другу кланяться, горшной сапожнику, сапожникъ горшному, булочникъ имъ обоимъ, всѣ булочнику, и такъ далѣе. Юрко, посреди сихъ взаимныхъ поклоновъ, закричалъ, обращясь къ своему сосѣду: «Что же? пей, батюшка, за здоровье своихъ мертвецевъ.» Всѣ захохотали, но гробовщикъ почелъ себя обиженнымъ и нахмурился. Никто того не замѣтилъ, гости продол-

жали пить, и уже благовѣстили къ вечернѣ, когда встали изъ за стола.

Гости разошлись поздно, и по большей части навеселѣ. Толстой булочникъ и переплетчикъ, коего лице казалось въ красненькомъ сафьянномъ переплетѣ, подруки отвели Юрку въ его будку, наблюдая, въ семъ случаѣ, Русскую пословицу: долгъ платежемъ красенъ. Гробовщикъ пришелъ домой пьянъ и сердитъ. «Чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ онъ вслухъ, чѣмъ ремесло мое нечестнѣе прочихъ? развѣ гробовщикъ братъ палачу? чему смѣются басурмане? развѣ гробовщикъ гаэръ святочный? Хотѣлось было мнѣ позвать ихъ на новоселье, задать имъ пиръ горой; инъ не бывать же тому! А созову я тѣхъ, на которыхъ работаю: мертвецевъ православныхъ.» — «Что ты, батюшка?» сказала работница, которая въ это время разувала его; «что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мертвыхъ на новоселье! Экая страсть!» — «Ей Богу, созову,» продолжалъ Адріанъ, «и на завтрашній же день. Милости просимъ, мои благодѣтели, завтра

вечеромъ у меня попировать; угощу, чѣмъ Богъ послалъ.» Съ эшимъ словомъ гробовщикъ отправился на кровать и вскорѣ захрапѣлъ.

На дворѣ было еще темно, какъ Адріана разбудили. Купчиха Трюхина скончалась въ эту самую ночь, и нарочный, отъ ея прикащика, прискакалъ къ Адріану верхомъ съ эшимъ извѣстіемъ. Гробовщикъ далъ ему за то гривенникъ на водку, одѣлся на скоро, взялъ извощика и поѣхалъ на Разгуляй. У воротъ покойницы уже стояла полиція, и расхаживали купцы, какъ вороны, почуя мертвое тѣло. Покойница лежала на столѣ, желтая какъ воскъ, но еще не обезображенная тлѣніемъ. Около нея тѣснились родственники, сосѣды и домашніе. Всѣ окна были отворены; свѣчи горѣли; священники читали молитвы. — Адріанъ подошелъ къ племяннику Трюхиной, молодому купчику въ модномъ сертукѣ, объявляя ему, что гробъ, свѣчи, покровъ и другія похоронныя принадлежности тотчасъ будутъ ему доставлены во всей исправности. Наслѣдникъ благодарилъ его разсѣянно, сказавъ, что о

цѣнѣ онъ не торгуется, а во всемъ полагается на его совѣсть. Гробовщикъ, по обыкновенію своему, побожился, что лишняго не возметъ; значительнымъ взглядомъ обмѣнялся съ прикащикомъ, и поѣхалъ хлопотать. Цѣлый день разъѣзжалъ съ Разгуляя къ Никитскимъ воротамъ и обратно; къ вечеру все сладилъ, и пошелъ домой пѣшкомъ, отпустивъ своего извощика. Ночь была лунная. Гробовщикъ благополучно дошелъ до Никитскихъ воротъ. У Вознесенія окликалъ его знакомецъ нашъ Юрко, и узнавъ гробовщика, пожелалъ ему доброй ночи. — Было поздно. Гробовщикъ подходилъ уже къ своему дому, какъ вдругъ показалось ему, что кто-то подошелъ къ его воротамъ, отворилъ калитку, и въ нее скрылся. «Что бы это значило? подумалъ Адріанъ. Кому опять до меня нужда? Ужъ не воръ ли ко мнѣ забрался? Не ходятъ ли любовники къ моимъ дурамъ? Чего добраго!» И гробовщикъ думалъ уже кликнуть себѣ на помощь пріятеля своего Юрку. Въ эту минуту кто-то еще приблизился къ калиткѣ и собирался войти, но увидя бѣгущаго хозяина,

остановился, и снялъ треугольную шляпу. Адріану лице его показалось знакомо, но второпяхъ не успѣлъ онъ порядочно его разглядѣть. « Вы пожаловали ко мнѣ, » сказалъ запыхавшись Адріанъ; « войдите же, сдѣлайте милость. » — « Не церемонься, батюшка, » отвѣчалъ тотъ глухо; « ступай себѣ впередъ; указывай гостямъ дорогу! » Адріану и некогда было церемониться. Калитка была отперта, онъ пошелъ на лѣстницу, и тотъ за нимъ. Адріану показалось, что по комнатамъ его ходятъ люди. « Что за дьявольщина! » подумалъ онъ, и спѣшилъ войти... тутъ ноги его подкосились. Комната полна была мертвецами. Луна сквозь окна освѣщала ихъ желтыя и синія лица, ввалившіеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшіеся носы .... Адріанъ съ ужасомъ узналъ въ нихъ людей, погребенныхъ его стараніями, и въ гостѣ, съ нимъ вмѣстѣ вошедшемъ, Бригадира, похороненнаго во время проливнаго дождя. Всѣ они, дамы и мущины, окружили гробовщика съ поклонами и привѣтствіями, кромѣ одного бѣдняка, недавно даромъ похороненнаго,

который, совѣстясь и стыдясь своего рубища, не приближался, и стоялъ смиренно въ углу. Прочіе всѣ одѣты были благопристойно: покойницы въ чепцахъ и лентахъ, мертвецы чиновные въ мундирахъ, но съ бородами небритыми, купцы въ праздничныхъ кафтанахъ. «Видишь ли, Прохоровъ,» сказалъ Бригадиръ отъ имени всей честной компаніи; «всѣ мы поднялись на пивое приглашеніе; остались дома только тѣ, которымъ уже не въ мочь, которые совсѣмъ развалились, да у кого остались однѣ кости безъ кожи, но и тотъ одинъ не утерпѣлъ — такъ хотѣлось ему побывать у тебя....» Въ эту минуту, маленькой скелетъ продрался сквозь толпу, и приблизился къ Адріану. Черепъ его ласково улыбался гробовщику. Клочки свѣтлозеленаго и краснаго сукна и вепхой холстины кой-гдѣ висѣли на немъ, какъ на шестѣ, а кости ногъ бились въ большихъ ботфортахъ, какъ пестики въ ступахъ. «Ты не узналъ меня, Прохоровъ,» сказалъ скелетъ. «Помнишь ли отставнаго сержанта гвардіи Петра Петровича Курилкина, того самаго, которому, въ 1799 году,

ты продалъ первый свой гробъ — и еще сосновый за дубовый?» Съ симъ словомъ мертвецъ просперъ ему костяныя объятія — но Адріанъ, собравшись съ силами, закричалъ, и оттолкнулъ его. Петръ Петровичь пошатнулся, упалъ и весь разсыпался. Между мертвецами поднялся ропотъ негодованія; всѣ вступились за честь своего товарища, пристали къ Адріану съ бранью и угрозами, и бѣдный хозяинъ, оглушенный ихъ крикомъ, и почти задавленный, потерялъ присутствіе духа, самъ упалъ на кости отставнаго сержанта гвардіи и лишился чувствъ.

Солнце давно уже освѣщало постелю, на которой лежалъ гробовщикъ. Наконецъ открылъ онъ глаза и увидѣлъ передъ собою работницу, раздувающую самоваръ. Съ ужасомъ вспомнилъ Адріанъ всѣ вчерашнія происшествія. Трюхина, Бригадиръ и сержантъ Курилкинъ смутно представились его воображенію. Онъ молча ожидалъ, чтобъ работница начала съ нимъ разговоръ, и объявила о послѣдствіяхъ ночныхъ приключеній. —

« Какъ ты заспался, батюшка, Адріанъ Прохоровичь, » сказала Аксинья, подавая ему халашь. « Къ тебѣ заходилъ сосѣдъ портной, и здѣшній будочникъ забѣгалъ съ объявленіемъ, что сегодня Часшный имянинникъ, да ты изволилъ почивашь, и мы не хошѣли тебя разбудишь. »

— « А приходили ко мнѣ опіъ покойницы Трюхиной ? »

« Покойницы ? Да развѣ она умерла ? »

— « Эка дура ! Да не ты ли пособляла мнѣ вчера улаживашь ея похороны ? »

« Что ты, батюшка, не съ ума ли спяшилъ, али хмѣль вчерашній еще у тя не прошелъ ? Какіі были вчера похороны ? Ты цѣлый день пировалъ у Нѣмца, ворошился пьянъ, завалился въ посшелю, да и спалъ до сего часа, какъ ужъ къ обѣднѣ отблаговѣсшили. »

— « Ой ли ! » сказалъ обрадованный гробовщикъ.

« Вѣсшимо шакъ, » отвѣчала работница.

— « Ну, коли шакъ, давай скорѣе чаю, да позови дочерей. »

СТАНЦІОННЫЙ

СМОТРИТЕЛЬ.

СТАНЦІОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ.

Коллежскій Регистраторъ
Почтовой станціи диктаторъ.

Князь Вяземскій.

Кто не проклиналъ станціонныхъ смотрителей, кто съ ними не бранивался? Кто, въ минуту гнѣва, не требовалъ отъ нихъ роковой книги, дабы вписать въ оную свою безполезную жалобу на притѣсненіе, грубость и неисправность? Кто не почитаетъ ихъ извергами человѣческаго рода, равными покойнымъ подъячимъ или по крайней мѣрѣ, Муромскимъ разбойникамъ? Будемъ однако справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе, и можетъ быть,

станемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе. Что такое станціонный смотритель? Сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ покмо отъ побоевъ, и то не всегда (ссылаюсь на совѣсть моихъ читателей). Какова должность сего диктатора, какъ называетъ его шутливо Князь Вяземскій? Не настоящая ли каторга? Покоя ни днемъ, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной ѣзды, путешественникъ вымѣщаетъ на смотрителѣ. Погода несносная, дорога скверная, ямщикъ упрямый, лошади не везутъ — а виноватъ смотритель. Входя въ бѣдное его жилище, проѣзжающій смотритъ на него, какъ на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться отъ непрошенаго гостя; но если не случится лошадей?... Боже! какія ругательства, какія угрозы посыплются на его голову! Въ дождь и слякоть принужденъ онъ бѣгать по дворамъ; въ бурю, въ Крещенской морозъ уходитъ онъ въ сѣни, чтобъ только на минуту отдохнуть отъ крика и толчковъ раздраженнаго постояльца. Пріѣзжаетъ Генералъ; дро-

жащій смотритель отдаетъ ему двѣ послѣднія тройки, въ томъ числѣ курьерскую. Генералъ ѣдетъ, не сказавъ ему спасибо. Чрезъ пять минутъ — колокольчикъ!... и фельдъегерь бросаетъ ему на столъ свою подорожную!... Вникнемъ во все это хорошенько, и вмѣсто негодованія, сердце наше исполнится искреннимъ состраданіемъ. Еще нѣсколько словъ: въ теченіи двадцати лѣтъ сряду, изъѣздилъ я Россію по всѣмъ направленіямъ; почти всѣ почтовые тракты мнѣ извѣстны; нѣсколько поколѣній ямщиковъ мнѣ знакомы; рѣдкаго смотрителя не знаю я въ лице, съ рѣдкимъ не имѣлъ я дѣла; любопытный запасъ путевыхъ моихъ наблюденій надѣюсь издать въ непродолжительномъ времени; покамѣстъ скажу только, что сословіе станціонныхъ смотрителей представлено общему мнѣнію въ самомъ ложномъ видѣ. Сіи столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, отъ природы услужливые, склонные къ общежитію, скромные въ притязаніяхъ на почести и не слишкомъ сребролюбивые. Изъ ихъ разговоровъ (коими некстати пре-

небрегаютъ господа проѣзжающіе) можно почерпнуть много любопытнаго и поучительнаго. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю ихъ бесѣду рѣчамъ какого нибудь чиновника 6-го класса, слѣдующаго по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня пріятели изъ почтеннаго сословія смотрителей. Въ самомъ дѣлѣ, память одного изъ нихъ мнѣ драгоцѣнна. Обстоятельства нѣкогда сблизили насъ, и объ немъ-то намѣренъ я теперь побесѣдовать съ любезными читателями.

Въ 1816 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, случилось мнѣ проѣзжать черезъ ***скую губернію, по тракту, нынѣ уничтоженному. Находился я въ мелкомъ чинѣ, ѣхалъ на перекладныхъ, и платилъ прогоны за двѣ лошади. Въ слѣдствіе сего смотрители со мною не церемонились, и часто бивалъ я съ бою то, что, во мнѣніи моемъ, слѣдовало мнѣ по праву. Будучи молодъ и вспыльчивъ, я негодовалъ на низость и малодушіе смотрителя, когда сей послѣдній отдавалъ приготовленную мнѣ тройку подъ коляску чиновнаго

барина. Столь же долго не могъ я привыкнуть и къ тому, чтобъ разборчивый холопъ обносилъ меня блюдомъ на Губернаторскомъ обѣдѣ. Нынѣ то и другое кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, если бы вмѣсто общеудобнаго правила: *чинъ чина почитай*, ввелось въ употребленіе другое, на примѣръ: *умъ ума почитай?* Какіе возникли бы споры! и слуги съ кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь къ моей повѣсти.

День былъ жаркій. Въ трехъ верстахъ отъ станціи *** стало накрапывать, и черезъ минуту проливной дождь вымочилъ меня до послѣдней нитки. По пріѣздѣ на станцію, первая забота была поскорѣе переодѣться, вторая спросить себѣ чаю. «Эй, Дуня!» закричалъ смотритель, «поставъ самоваръ, да сходи за сливками.» При сихъ словахъ вышла изъ за перегородки дѣвочка лѣтъ четырнадцати, и побѣжала въ сѣни. Красота ея меня поразила. «Это твоя дочка?» спросилъ я смотрителя. — «Дочка-съ,» отвѣчалъ онъ съ видомъ довольнаго самолюбія; «да такая разумная, такая проворная,

вся въ покойницу мать. » Тутъ онъ принялся переписывать мою подорожную, а я занялся разсмотрѣніемъ каршинокъ, украшавшихъ его смиренную, но опрятную обитель. Онѣ изображали исторію блуднаго сына: въ первой, почтенный старикъ въ колпакѣ и шлафрокѣ отпускаетъ безпокойнаго юношу, который поспѣшно принимаетъ его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой яркими чертами изображено развратное поведеніе молодаго человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе, промотавшійся юноша, въ рубищѣ и въ треугольной шляпѣ, пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу; въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ предстaвлено возвращеніе его къ отцу; добрый старикъ въ томъ же колпакѣ и шлафрокѣ выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу: блудный сынъ стоитъ на колѣнахъ; въ перспективѣ поваръ убиваетъ упитаннаго тельца, и старшій братъ вопрошаетъ слугъ о причинѣ таковой радости. Подъ каждой каршинкой прочелъ я приличные

Нѣмецкіе стихи. Все это донынѣ сохранилось въ моей памяти, также какъ и горшки съ бальзамимомъ и кровать съ пестрой занавѣскою, и прочіе предметы, меня въ то время окружавшіе. Вижу, какъ теперь, самаго хозяина, человѣка лѣтъ пятидесяти, свѣжаго и бодраго и его длинный зеленый сертукъ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ.

Не успѣлъ я расплатиться со старымъ моимъ ямщикомъ, какъ Дуня возвратилась съ самоваромъ. Маленькая кокетка со втораго взгляда замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на меня; она потупила большіе голубые глаза; я сталъ съ нею разговаривать, она отвѣчала мнѣ безо всякой робости, какъ дѣвушка, видѣвшая свѣтъ. Я предложилъ отцу ея стаканъ пуншу; Дунѣ подалъ я чашку чаю, и мы втроемъ начали бесѣдовать, какъ будто вѣкъ были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мнѣ все не хотѣлось разстаться съ смотрителемъ и его дочкой. Наконецъ я съ ними простил-

ся; отецъ пожелалъ мнѣ добраго пути, а дочь проводила до телеги. Въ сѣняхъ я остановился и просилъ у ней позволенія ее поцаловать; Дуня согласилась... Много могу я нащитать поцалуевъ

Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ занимаюсь,

но ни одинъ не оставилъ во мнѣ столь долгаго, столь пріятнаго воспоминанія.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и обстоятельства привели меня на тотъ самый тракть, въ тѣ самыя мѣста. Я вспомнилъ дочь стараго смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумалъ я, старый смотритель, можетъ быть, уже смѣненъ; вѣроятно Дуня уже замужемъ. Мысль о смерти того или другаго также мелькнула въ умѣ моемъ, и я приближался къ станціи *** съ печальнымъ предчувствіемъ. Лошади стали у почтоваго домика. Вошедъ въ комнату, я тотчасъ узналъ каршинки, изображающія исторію блуднаго сына; столъ и кровать стояли на прежнихъ мѣстахъ; но на окнахъ уже не было цвѣтовъ, и все кругомъ показывало нещосность и небреженіе. Смотритель спалъ подъ тулупомъ;

мой пріѣдъ разбудилъ его; онъ привспалъ... Это былъ точно Симеонъ Выринъ; но какъ онъ постарѣлъ! Покамѣстъ собирался онъ переписать мою подорожную, я смотрѣлъ на его сѣдину, на глубокія морщины давно небритаго лица, на сгорбленную спину — и не могъ надивиться, какъ три или четыре года могли превратить бодраго мущину въ хилаго старика. «Узналъ ли ты меня?» спросилъ я его; «мы съ тобою старые знакомые.» — «Можетъ статься,» отвѣчалъ онъ угрюмо; «здѣсь дорога большая; много проѣзжихъ у меня перебывало.» — «Здорова ли твоя Дуня?» продолжалъ я. Старикъ нахмурился. «А Богъ ее знаетъ,» отвѣчалъ онъ. — «Такъ видно она замужемъ?» сказалъ я. Старикъ притворился, будто бы не слыхалъ моего вопроса, и продолжалъ пошептомъ читать мою подорожную. Я прекратилъ свои вопросы и велѣлъ поставить чайникъ. Любопытство начинало меня безпокоить, и я надѣялся, что пуншъ разрѣшитъ языкъ моего стараго знакомца.

Я не ошибся: старикъ не отказался отъ предлагаемаго стакана. Я замѣтилъ, что

ромъ прояснилъ его угрюмость. На второмъ стаканѣ сдѣлался онъ разговорчивъ; вспомнилъ, или показалъ видъ, будто бы вспомнилъ меня, и я узналъ отъ него повѣсть, которая въ то время сильно меня заняла и тронула.

«Такъ вы знали мою Дуню?» началъ онъ. «Кто же и не зналъ ея? Ахъ, Дуня, Дуня! Что за дѣвка то была! Бывало, кто ни проѣдетъ, всякой похвалитъ, никто не осудитъ. Барыни дарили ее, то платочкомъ, то сережками. Господа проѣзжіе нарочно останавливались, будто бы пообѣдать, аль отужинать, а въ самомъ дѣлѣ, только, чтобъ на нее подолѣе поглядѣть. Бывало баринъ, какой бы сердитый ни былъ, при ней утихаетъ и милостиво со мною разговариваетъ. Повѣрите ль, сударь: курьеры, фельдъ-егеря съ нею по получасу заговаривались. Ею домъ держался; что прибрать, что приготовить, за всѣмъ успѣвала. А я то, старый дуракъ, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; ужъ я ли не любилъ моей Дуни, я ль не лелеялъ моего дитяти; ужъ ей ли не было житье? Да нѣтъ, отъ бѣды не отбожишься; что

суждено, тому не миновать.» Тутъ онъ сталъ подробно разсказывать мнѣ свое горе. — Три года тому назадъ, однажды, въ зимній вечеръ, когда смотритель разлиневывалъ новую книгу, и дочь его за перегородкой шила себѣ платье, тройка подъѣхала, и проѣзжій въ Черкесской шапкѣ, въ военной шинели, окутанный шалью, вошелъ въ комнату, требуя лошадей. Лошади всѣ были въ разгонѣ. При семъ извѣстіи, путешественникъ возвысилъ-было голосъ и нагайку; но Дуня, привыкшая къ таковымъ сценамъ, выбѣжала изъ-за перегородки и ласково обратилась къ проѣзжему съ вопросомъ: не угодно ли будетъ ему чего нибудь покушать? Появленіе Дуни произвело обыкновенное свое дѣйствіе. Гнѣвъ проѣзжаго прошелъ; онъ согласился ждать лошадей и заказалъ себѣ ужинъ. Снявъ мокрую, косматую шапку, отпустивъ шаль и сдернувъ шинель, проѣзжій явился молодымъ, стройнымъ гусаромъ съ черными усиками. Онъ расположился у смотрителя, началъ весело разговаривать съ нимъ и съ его дочерью. Подали ужинать. Между тѣмъ

лошади пришли, и смотритель приказалъ, чтобъ поскорѣе, не кормя, запрягали ихъ въ кибитку проѣзжаго; но возвратясь, нашелъ онъ молодаго человѣка почти безъ памяти лежащаго на лавкѣ: ему сдѣлалось дурно, голова разболѣлась, не возможно было ѣхать.... Какъ быть! смотритель уступилъ ему свою кровать, и положено было, если больному не будетъ легче, на другой день утромъ послать въ С*** за лѣкаремъ.

На другой день гусару стало хуже. Человѣкъ его поѣхалъ верхомъ въ городъ за лѣкаремъ. Дуня обвязала ему голову платкомъ, намоченнымъ уксусомъ, и сѣла съ своимъ шитьемъ у его кровати. Больной при смотрителѣ охалъ и не говорилъ почти ни слова, однакожь выпилъ двѣ чашки кофе, и охая заказалъ себѣ обѣдъ. Дуня отъ него не отходила. Онъ поминутно просилъ пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленнаго лимонада. Больной обмакивалъ губы, и всякой разъ, возвращая кружку, въ знакъ благодарности слабою своею рукою пожималъ Дунюшкину руку. Къ обѣду пріѣхалъ лѣкарь. Онъ пощупалъ пульсъ больнаго, по-

говорилъ съ нимъ по Нѣмецки, и по Русски объявилъ, что ему нужно одно спокойствіе, и что дня черезъ два ему можно будетъ отправиться въ дорогу. Гусаръ вручилъ ему двадцатьпять рублей за визитъ, пригласилъ его отобѣдать; лѣкарь согласился; оба ѣли съ большимъ аппетитомъ, выпили бутылку вина и разстались очень довольны другъ другомъ.

Прошелъ еще день, и гусаръ совсѣмъ оживился. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, безъ умолку шутилъ то съ Дунею, то съ смотрителемъ; насвистывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проѣзжими, вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу, и такъ полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему разстаться съ любезнымъ своимъ постояльцемъ. День былъ воскресный; Дуня собиралась къ обѣднѣ. Гусару подали кибитку. Онъ простился съ смотрителемъ, щедро наградивъ его за постой и угощеніе; простился и съ Дунею и вызвался довезти ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла въ недоумѣніи.... « Чего же ты боишься? » сказалъ ей отецъ;

« вѣдь Его Высокоблагородіе не волкъ и тебя не съѣстъ; прокапись-ка до церкви. » Дуня сѣла въ кибитку подлѣ гусара, слуга вскочилъ на облучокъ, ямщикъ свиснулъ и лошади поскакали.

Бѣдный смотритель не понималъ, какимъ образомъ могъ онъ самъ позволить своей Дунѣ ѣхать вмѣстѣ съ гусаромъ, какъ нашло на него ослѣпленіе, и что тогда было съ его разумомъ. Не прошло и получаса, какъ сердце его начало ныть, ныть, и безпокойство овладѣло имъ до такой степени, что онъ не утерпѣлъ, и пошелъ самъ къ обѣднѣ. Подходя къ церкви, увидѣлъ онъ, что народъ уже разходился, но Дуни не было ни въ оградѣ, ни на паперти. Онъ поспѣшно вошелъ въ церковь: священникъ выходилъ изъ олтаря; дьячекъ гасилъ свѣчи, двѣ старушки молились еще въ углу; но Дуни въ церкви не было. Бѣдный отецъ на силу рѣшился спросить у дьячка, была ли она у обѣдни. Дьячекъ отвѣчалъ, что не бывала. Смотритель пошелъ домой ни живъ, ни мертвъ. Одна оставалась ему надежда: Дуня по вѣтрености молодыхъ лѣтъ взду-

мала, можетъ быть, прокатиться до слѣдующей станціи, гдѣ жила ея крестная мать. Въ мучительномъ волненіи ожидалъ онъ возвращенія тройки, на которой онъ отпустилъ ее. Ямщикъ не возвращался. Наконецъ къ вечеру пріѣхалъ онъ одинъ и хмѣленъ, съ убійственнымъ извѣстіемъ: «Дуня съ той станціи отправилась далѣе съ гусаромъ.»

Смотритель не снесъ своего несчастія; онъ тотъ же слегъ въ ту самую постель, гдѣ наканунѣ лежалъ молодой обманщикъ. Теперь смотритель, соображая всѣ обстоятельства, догадывался, что болѣзнь была притворная. Бѣднякъ занемогъ сильной горячкою; его свезли въ С*** и на его мѣсто опредѣлили навремя другаго. Тотъ же лѣкарь, который пріѣзжалъ къ гусару, лѣчилъ и его. Онъ увѣрилъ смотрителя, что молодой человѣкъ былъ совсѣмъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ о его злобномъ намѣреніи, но молчалъ, опасаясь его нагайки. Правду ли говорилъ Нѣмецъ, или только желалъ похвастаться дальновидностію, но онъ ни мало тѣмъ не утѣшилъ бѣднаго

больнаго. Едва оправясь отъ болѣзни, смотритель выпросилъ у С*** почтмейстера отпускъ на два мѣсяца, и не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пѣшкомъ отправился за своею дочерью. Изъ подорожной зналъ онъ, что Ротмистръ Минскій ѣхалъ изъ Смоленска въ Петербургъ. Ямщикъ, который везъ его, сказывалъ, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ѣхала по своей охотѣ. «Авось,» думалъ смотритель, «приведу я домой заблудшую овечку мою.» Съ этой мыслію прибылъ онъ въ Петербургъ, остановился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ отставнаго унтеръ-офицера, своего стараго сослуживца, и началъ свои поиски. Вскорѣ узналъ онъ, что Ротмистръ Минскій въ Петербургѣ и живетъ въ Демутовомъ трактирѣ. Смотритель рѣшился къ нему явиться.

Рано утромъ пришелъ онъ въ его переднюю, и просилъ доложить Его Высокоблагородію, что старый солдатъ проситъ съ нимъ увидѣться. Военный лакей, чистя сапогъ на колодкѣ, объявилъ, что баринъ почиваетъ, и что прежде одиннадцати ча-

совъ не принимаетъ никого. Смотритель ушелъ, и возвратился въ назначенное время. Минскій вышелъ самъ къ нему въ халатѣ, въ красной скуфьѣ. « Что, братъ, тебѣ надобно ? » спросилъ онъ его. Сердце старика закипѣло, слезы навернулись на глазахъ, и онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ только : « Ваше Высокоблагородіе !.... сдѣлайте такую Божескую милость !... » Минскій взглянулъ на него быстро, вспыхнулъ, взялъ его за руку, повелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. « Ваше Высокоблагородіе ! » продолжалъ старикъ, « что съ возу упало, то пропало; отдайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы натѣшились ею ; не погубите жъ ее по напрасну. » — « Что сдѣлано, того не воротишь, » сказалъ молодой человѣкъ въ крайнемъ замѣшательствѣ ; « виноватъ передъ тобою, и радъ просить у тебя прощенія; но не думай, чтобъ я Дуню могъ покинуть : она будетъ счастлива, даю тебѣ честное слово. Зачѣмъ тебѣ ее ? Она меня любитъ ; она отвыкла отъ прежняго своего состоянія. Ни ты, ни она — вы не

забудешь того, что случилось.» Потомъ, сунувъ ему что-то за рукавъ, онъ отворилъ дверь, и смотритель, самъ не помня какъ, очутился на улицѣ.

Долго стоялъ онъ неподвижно, наконецъ увидѣлъ за обшлагомъ своего рукава свертокъ бумагъ; онъ вынулъ ихъ и развернулъ нѣсколько пятидесятирублевыхъ смятыхъ ассигнацій. Слезы опять навернулись на глазахъ его, слезы негодованія! Онъ сжалъ бумажки въ комокъ, бросилъ ихъ на земь, притопталъ каблукомъ, и пошелъ... Отошедъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился, подумалъ... и воротился... но ассигнацій уже не было. Хорошо одѣтый молодой человѣкъ, увидя его, подбѣжалъ къ извощику, сѣлъ поспѣшно и закричалъ: «пошелъ!...» Смотритель за нимъ не погнался. Онъ рѣшился отправиться домой на свою станцію, но прежде хотѣлъ хоть разъ еще увидѣть бѣдную свою Дуню. Для сего, дня черезъ два, воротился онъ къ Минскому; но военный лакей сказалъ ему сурово, что баринъ никого не принимаетъ, грудью вытѣснилъ его изъ передней, и хлопнулъ две-

ри ему подъ носъ. Смотритель постоялъ, постоялъ — да и пошелъ.

Въ этотъ самый день, вечеромъ, шелъ онъ по Литейной, отслуживъ молебенъ у Всѣхъ Скорбящихъ. Вдругъ промчались передъ нимъ щегольскія дрожки, и смотритель узналъ Минскаго. Дрожки остановились передъ трехъ-этажнымъ домомъ у самаго подъѣзда, и гусаръ вбѣжалъ на крыльце. Счастливая мысль мелькнула въ головѣ смотрителя. Онъ воротился, и поровнявшись съ кучеромъ. — «Чья, братъ, лошадь?» спросилъ онъ, «не Минскаго ли?» — «Точно такъ,» отвѣчалъ кучеръ, «а что тебѣ?» — «Да вотъ что: баринъ твой приказалъ мнѣ отнести къ его Дунѣ записочку, а я и позабудь, гдѣ Дуня-то его живетъ.» — «Да вотъ здѣсь, во второмъ этажѣ. Опоздалъ ты, братъ, съ твоей запиской; теперь ужъ онъ самъ у нее.» — «Нужды нѣтъ,» возразилъ смотритель съ неизъяснимымъ движеніемъ сердца, «спасибо, что надоумилъ, а я свое дѣло сдѣлаю.» И съ этимъ словомъ пошелъ онъ по лѣстницѣ.

Двери были заперты; онъ позвонилъ, прошло нѣсколько секундъ въ тягостномъ для него ожиданіи. Ключь загремѣлъ, ему отворили. « Здѣсь стоитъ Авдотья Симеоновна? » спросилъ онъ. « Здѣсь, » отвѣчала молодая служанка; « за чѣмъ тебѣ ея надобно? » Смотритель, не отвѣчая, вошелъ въ залу. « Не льзя, не льзя! » закричала вслѣдъ ему служанка; « у Авдотьи Симеоновны гости. » Но смотритель, не слушая, шелъ далѣе. Двѣ первыя комнаты были темны, въ третьей былъ огонь. Онъ подошелъ къ растворенной двери и остановился. Въ комнатѣ прекрасноубранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивости. Дуня, одѣтая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его креселъ, какъ наѣздница на своемъ Англійскомъ сѣдлѣ. Она съ нѣжностію смотрѣла на Минскаго, намотывая черные его кудри на свои сверкающіе пальцы. Бѣдный смотритель! Никогда дочь его не казалось ему столь прекрасною; онъ по неволѣ ею любовался. « Кто тамъ? » спросила она, не поднимая головы. Онъ все молчалъ. Не получая отвѣта, Дуня подняла голову .... и съ крикомъ упала на

коверъ. Испуганный Минскій кинулся ее поднимать, и вдругъ увидя въ дверяхъ стараго смотрителя, оставилъ Дуню, и подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва. «Чего тебѣ надобно?» сказалъ онъ ему, стиснувъ зубы; «что ты за мною всюду крадешься, какъ разбойникъ? или хочешь меня зарѣзать? Пошелъ вонъ!» и сильной рукою схвативъ старика за ворошъ, вытолкнулъ его на лѣстницу.

Старикъ пришелъ къ себѣ на квартиру. Пріятель его совѣтовалъ ему жаловаться; но смотритель подумалъ, махнулъ рукой и рѣшился отступиться. Черезъ два дня отправился онъ изъ Петербурга обратно на свою станцію, и опять принялся за свою должность. «Вотъ уже третій годъ, заключилъ онъ, какъ живу я безъ Дуни, и какъ объ ней нѣтъ ни слуху ни духу. Жива ли, нѣтъ ли, Богъ ее вѣдаетъ. Всяко случается. Не ее первую, не ее послѣднюю сманилъ проѣзжій повѣса, а тамъ подержалъ, да и бросилъ. Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дуръ, сегодня въ аглицѣ да бархатѣ, а завтра, поглядишь, метутъ

улицу вмѣстѣ съ голью кабацкою. Какъ подумаешь порою, что и Дуня, можетъ быть, тутъ же пропадаетъ, такъ по неволѣ согрѣшишь, да пожелаешь ей могилы.... »

Таковъ былъ разсказъ пріятеля моего, стараго смотрителя, разсказъ неоднократно прерываемый слезами, которыя живописно отиралъ онъ своею полою, какъ усердный Терентьичъ въ прекрасной балладѣ Дмитріева. Слезы сіи отчасти возбуждаемы были пуншемъ, коего выпянулъ онъ пять стакановъ въ продолженіи своего повѣствованія; но какъ бы то ни было, онѣ сильно тронули мое сердце. Съ нимъ разставшись, долго не могъ я забыть стараго смотрителя, долго думалъ я о бѣдной Дунѣ....

Недавно еще, проѣзжая черезъ мѣстечко ***, вспомнилъ я о моемъ пріятелѣ; я узналъ, что станція, надъ которой онъ начальствовалъ, уже уничтожена. На вопросъ мой: « Живъ ли старый смотритель? » никто не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Я рѣшился посѣтить знакомую сторону, взялъ вольныхъ лошадей и пустился въ село Н.

Это случилось осенью. Сѣренькія тучи покрывали небо; холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей, унося красныя и желтыя листья со вспрѣчныхъ деревьевъ. Я пріѣхалъ въ село при закатѣ солнца и остановился у почтоваго домика. Въ сѣни (гдѣ нѣкогда поцаловала меня бѣдная Дуня) вышла толстая баба, и на вопросы мои отвѣчала, что старый смотритель съ годъ какъ померъ, что въ домѣ его поселился пивоваръ, а что она жена пивоварова. Мнѣ стало жаль моей напрасной поѣздки и семи рублей, издержанныхъ даромъ. — «Отъ чего жъ онъ умеръ?» спросилъ я пивоварову жену. — «Спился, батюшка,» отвѣчала она. — «А гдѣ его похоронили?» — «За околицей, подлѣ покойной хозяйки его.» — «Не льзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же не льзя. Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смотрителеву могилу.»

При сихъ словахъ, оборванный мальчикъ, рыжій и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и тотчасъ повелъ меня за околицу.

« Зналъ ты покойника ? » спросилъ я его дорогой.

— « Какъ не знать ! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывать. Бывало (царство ему небесное !) идетъ изъ кабака, а мы-то за нимъ : « Дѣдушка, дѣдушка ! орѣшковъ ! » — а онъ насъ орѣшками и надѣляетъ. Все бывало съ нами возится. »

« А проѣзжіе вспоминаютъ ли его ? »

— « Да нынѣ мало проѣзжихъ ; развѣ засѣдатель завернетъ, до тому не до мертвыхъ. Вотъ лѣтомъ проѣзжала барыня, такъ та спрашивала о старомъ смотрителѣ и ходила къ нему на могилу. »

« Какая барыня ? » спросилъ я съ любопытствомъ.

— « Прекрасная барыня, » отвѣчалъ мальчишка ; « ѣхала она въ каретѣ въ шесть лошадей, съ тремя маленькими барчатами и съ кормилицей, и съ черной моською ; и какъ ей сказали, что старый смотритель умеръ, такъ она заплакала и сказала дѣтямъ : « сидите смирно, а я схожу на кладбище. » А я было вызвался довести ее. А барыня сказала : « Я сама дорогу знаю. » И дала мнѣ

пятакъ серебромъ — такая добрая барыня! . . . »

Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усѣянное деревянными крестами, не осѣненными ни единымъ деревцемъ. Отроду не видалъ я такого печальнаго кладбища.

« Вотъ могила стараго смотрителя, » сказалъ мнѣ мальчикъ, вспрыгнувъ на груду песку, въ которую врытъ былъ черный крестъ съ мѣднымъ образомъ.

— « И барыня приходила сюда? » спросилъ я.

« Приходила, » отвѣчалъ Ванька; « я смотрѣлъ на нее издали. Она легла здѣсь, и лежала долго. А тамъ барыня пошла въ село, и призвала попа, дала ему денегъ и поѣхала, а мнѣ дала пятакъ серебромъ — славная барыня! »

И я далъ мальчишкѣ пятачекъ, и не жалѣлъ уже ни о поѣздкѣ, ни о семи рубляхъ, мною истраченныхъ.

БАРЫШНЯ

КРЕСТЬЯНКА.

БАРЫШНЯ
КРЕСТЬЯНКА.

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша.

Богдановичъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній находилось имѣніе Ивана Петровича Берестова. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку въ началѣ 1797 года, уѣхалъ въ свою деревню, и съ тѣхъ поръ отсюда не выѣзжалъ. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла въ родахъ, въ то время, какъ онъ находился въ отъѣзжемъ полѣ. Хозяйственныя упражненія скоро его утѣшили. Онъ выстроилъ

домъ по собственному плану, завелъ у себя суконную фабрику, устроилъ доходы и спалъ почитать себя умнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околодкѣ, въ чемъ и не прекословили ему сосѣды, пріѣзжавшіе къ нему гостить съ своими семействами и собаками. Въ будни ходилъ онъ въ плисовой куртцѣ, по праздникамъ надѣвалъ сертукъ изъ сукна домашней работы; самъ записывалъ расходъ, и ничего не читалъ, кромѣ Сенатскихъ Вѣдомостей. Вообще его любили, хотя и почитали гордымъ. Не ладилъ съ нимъ одинъ Григорій Ивановичъ Муромскій, ближайшій его сосѣдъ. Этотъ былъ настоящій Русской баринъ. Промотавъ въ Москвѣ большую часть имѣнія своего, и на ту пору овдовѣвъ, уѣхалъ онъ въ послѣднюю свою деревню, гдѣ продолжалъ проказничать, но уже въ новомъ родѣ. Развелъ онъ Англійскій садъ, на которой тратилъ почти всѣ остальные доходы. Конюхи его были одѣты Англійскими жокеями. У дочери его была Мадамъ Англичанка. Поля свои обрабатывалъ онъ по Англійской методѣ;

Но на чужой манеръ хлѣбъ Русской не родится,

и не смотря на значительное уменшеніе расходовъ, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; онъ и въ деревнѣ находилъ способъ входишь въ новые долги; со всѣмъ тѣмъ почитался человѣкомъ не глупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ Опекунской Совѣтъ: оборотъ, казавшійся въ то время чрезвычайно сложнымъ и смѣлымъ. Изъ людей, осуждавшихъ его, Бересповъ отзывался строже всѣхъ. Ненависть къ нововведеніямъ была отличительная черта его характера. Онъ не могъ равнодушно говорить объ Англоманіи своего сосѣда, и поминутно находилъ случай его критиковать. Показывалъ ли гостю свои владѣнія, въ отвѣтъ на похвалы его хозяйственнымъ распоряженіямъ: «Да-съ!» говорилъ онъ съ лукавой усмѣшкою; «у меня не то, что у сосѣда Григорья Ивановича. Куда намъ по Англійски разоряться! Были бы мы по Русски хоть сыты.» Сіи и подобныя шутки, по усердію сосѣдовъ, доводимы были до свѣдѣнія Григорья Ивановича съ дополненіемъ и объясненіями. Англоманъ выносилъ критику столь

же нетерпѣливо, какъ и наши журналисты. Онъ бѣсился и прозвалъ своего Зоила медвѣдемъ и провинціяломъ.

Таковы были сношенія между сими двумя владѣльцами, какъ сынъ Берестова пріѣхалъ къ нему въ деревню. Онъ былъ воспитанъ въ *** Университетѣ и намѣревался вступить въ военную службу, но отецъ на то не соглашался. Къ статской службѣ молодой человѣкъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Они другъ другу не уступали, и молодой Алексѣй сталъ жить покамѣстъ бариномъ, отпустивъ усы на всякой случай.

Алексѣй былъ, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ. Право было бы жаль, если бы его стройнаго стана никогда не стягивалъ военный мундиръ, и если бы онъ, вмѣсто того, чтобъ рисоваться на конѣ, провелъ свою молодость, согнувшись надъ канцелярскими бумагами. Смотря, какъ онъ на охотѣ скакалъ всегда первый, не разбирая дороги, сосѣды говорили согласно, что изъ него никогда не выдетъ путнаго столоначальника. Барышни поглядывали на него, а иногда и заглядывались; но Алексѣй мало ими зани-

мался, а онѣ причиной его нечувствительности полагали любовную связь. Въ самомъ дѣлѣ, ходилъ по рукамъ списокъ съ адреса одного изъ его писемъ: ***Акулинѣ Петровнѣ Курочкиной, въ Москвѣ, напротивъ Алексѣевскаго монастыря, въ домѣ мѣдника Савельева, а васъ покорнѣйше прошу доставить письмо сіе А. И. Р.***

Тѣ изъ моихъ читателей, которые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни почерпаютъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чтеніе рано въ нихъ развиваютъ чувства и страсти, неизвѣстныя разсѣяннымъ нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика есть уже приключеніе, поѣздка въ ближній городъ полагается эпохою въ жизни, и посѣщеніе гостя оставляетъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе. Конечно всякому вольно смѣяться надъ нѣкоторыми ихъ странностями; но шутки поверхностнаго наблюдателя не могутъ уничтожить ихъ существенныхъ

достоинствъ, изъ коихъ главное: ***особенность характера***, ***самобытность*** (individualité), безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Поля, не существуетъ и человѣческаго величія. Въ столицахъ женщины получаютъ, можетъ быть, лучшее образованіе; но навыкъ свѣта скоро сглаживаетъ характеръ и дѣлаетъ души столь же однообразными, какъ и головные уборы. Сіе да будетъ сказано не въ судъ и не во осужденіе, однакожъ Nota nostra manet, какъ пишетъ одинъ старинный комментаторъ.

Легко вообразить, какое впечатлѣніе Алексѣй долженъ былъ произвести въ кругу нашихъ барышень. Онъ первый передъ ними явился мрачнымъ и разочарованнымъ, первый говорилъ имъ объ упраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи. Барышни сходили по немъ съ ума.

Но всѣхъ болѣе заняла была имъ дочь Англомана моего, Лиза (или Бетси, какъ звалъ ее обыкновенно Григорій Ивановичъ).

Отцы другъ ко другу не ѣздили, она Алексѣя еще не видала, между тѣмъ, какъ всѣ молодыя сосѣдки только объ немъ и говорили. Ей было семнадцать лѣтъ. Черные глаза оживляли ея смуглое и очень пріятное лице. Она была единственное и слѣдственно балованое дитя. Ея рѣзвость и поминутныя проказы восхищали отца и приводили въ отчаянье ея мадамъ Миссъ Жаксонъ, сорокалѣтнюю чопорную дѣвицу, которая бѣлилась и сурмила себѣ брови, два раза въ годъ перечитывала Памелу, получала за то двѣ тысячи рублей, и умирала со скуки въ этой варварской Россіи.

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же вѣтрена, какъ и ея барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей всѣ свои тайны, вмѣстѣ съ нею обдумывала свои затѣи; словомъ, Настя была въ селѣ Прилучинѣ лицемъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели любая наперсница во Французской трагедіи.

«Позвольте мнѣ сего дня пойти въ гости,» сказала однажды Настя, одѣвая барышню.

— « Изволь; а куда? »

« Въ Тугилово, къ Берестовымъ. Поварова жена у нихъ имянинница, и вчера приходила звать насъ отобѣдать. »

— « Вотъ! » сказала Лиза, « господа въ ссорѣ, а слуги другъ друга угощаютъ. »

« А намъ какое дѣло до господъ! » возразила Настя; « къ тому же я ваша, а не папенькина. Вы вѣдь не бранились еще съ молодымъ Берестовымъ; а старики пускай себѣ дерутся, коли имъ это весело. »

— « Постарайся, Настя, увидѣть Алексѣя Берестова, да раскажи мнѣ хорошенько, каковъ онъ собою и что онъ за человѣкъ. »

Настя обѣщалась, а Лиза съ нетерпѣніемъ ожидала цѣлый день ея возвращенія. Вечеромъ Настя явилась. « Ну, Лизавета Григорьевна, » сказала она входя въ комнату, « видѣла молодаго Берестова; наглядѣлась довольно; цѣлый день были вмѣстѣ. »

— « Какъ это? Раскажи, раскажи попорядку. »

« Извольте-съ: пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька.... »

— « Хорошо, знаю. Ну потомъ. »

« Позвольте-съ, раскажу все попорядку. Вотъ пришли мы къ самому обѣду. Комната полна была народу. Были Колбинскія, Захарьевскія, прикащица съ дочерьми, Хлупинскія. . . . »

— « Ну! а Берестовъ? »

« Погодите-съ. Вотъ мы сѣли за столъ, прикащица на первомъ мѣстѣ, я подлѣ нея... а дочери и надулись, да мнѣ наплевать на нихъ... »

— « Ахъ, Настя, какъ ты скучна съ вѣчными своими подробностями! »

« Да какъ же вы нетерпѣливы! Ну вотъ вышли мы изъ за стола... а сидѣли мы часа три и обѣдъ былъ славный; пирожное блан-манже синее, красное и полосатое ... Вотъ вышли мы изъ за стола, и пошли въ садъ играть въ горѣлки, а молодой баринъ тутъ и явился. »

— « Ну что жъ? Правда ли, что онъ такъ хорошъ собою? »

« Удивительно хорошъ, красавецъ, можно сказать. Стройный, высокій, румянецъ во всю щеку... »

— « Право ? А я такъ думала, что у него лицe блѣдное. Что же ? Каковъ онъ тебѣ показался ? Печаленъ, задумчивъ ? »

« Что вы ? Да эпакаго бѣшенаго я и сроду не видывала. Вздумалъ онъ съ нами въ горѣлки бѣгать. »

— « Съ вами въ горѣлки бѣгать ! Невозможно ! »

« Оченъ возможно. Да что еще выдумалъ ! Поймаетъ, и ну цаловать ! »

— « Воля твоя, Настя, ты врешь. »

« Воля ваша, не вру. Я насилу отъ него отдѣлалась. Цѣлый день съ нами такъ и провозился. »

— « Да какъ же, говорятъ, онъ влюбленъ и ни на кого не смотритъ ? »

« Не знаю-съ, а на меня такъ ужъ слишкомъ смотрѣлъ да и на Таню, прикащикову дочь, тоже; да и на Пашу Колбинскую, да грѣхъ сказать, никого не обидѣлъ, такой баловникъ ! »

— « Это удивительно ! А что въ домѣ про него слышно ? »

« Баринъ, сказываютъ, прекрасный : такой добрый, такой веселый. Одно не хоро-

шо: за дѣвушками слишкомъ любитъ гоняться. Да, по мнѣ, это еще не бѣда: со временемъ остепенится.»

— «Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть!» сказала Лиза со вздохомъ.

«Да что же тутъ мудренаго? Тугилово отъ насъ не далеко, всего три версты: поди те гулять въ ту сторону, или поѣзжайте верхомъ; вы вѣрно встрѣтите его. Онъ же всякой день, рано поутру, ходитъ съ ружьемъ на охоту.»

— «Да нѣтъ, не хорошо. Онъ можетъ подумать, что я за нимъ гоняюсь. Къ тому же отцы наши въ ссорѣ, такъ и мнѣ все же не льзя будетъ съ нимъ познакомиться... Ахъ, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!»

«И въ самомъ дѣлѣ; надѣньте толстую рубашку, сарафанъ, да и ступайте смѣло въ Тугилово; ручаюсь вамъ, что Берестовъ ужъ васъ не прозѣваетъ.»

— «А поздѣшнему я говорить умѣю прекрасно. Ахъ, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка!» И Лиза легла спать съ намѣреніемъ непремѣнно исполнить веселое

свое предположеніе. На другой же день приступила она къ исполненію своего плана, послала купить на базарѣ толстаго полотна, синей китайки и мѣдныхъ пуговокъ, съ помощью Насти скроила себѣ рубашку и сарафанъ, засадила за шитье всю дѣвичью, и къ вечеру все было готово. Лиза примѣрила обнову, и призналась предъ зеркаломъ, что никогда еще такъ мила самой себѣ не казалась. Она повторила свою роль, на ходу низко кланялась и нѣсколько разъ потомъ качала головою, на подобіе глиняныхъ коповъ, говорила на крестьянскомъ нарѣчіи, смѣялась, закрываясь рукавомъ, и заслужила полное одобреніе Насти. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дернъ кололъ ея нѣжныя ноги, а песокъ и камешки показались ей несперпимы. Настя и тутъ ей помогла: она сняла мѣрку съ Лизиной ноги, обѣгала въ поле къ Трофиму пастуху и заказала ему пару лаптей по той мѣркѣ. На другой день, ни свѣтъ ни заря, Лиза уже проснулась. Весь домъ еще спалъ. Настя за воротами ожидала пастуха. Заигралъ рожокъ и дере-

венское стадо потянулось мимо барскаго двора. Трофимъ, проходя передъ Настей, отдалъ ей маленькія, пестрыя лапти и получилъ отъ нея полтину въ награжденіе. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шопотомъ дала Настѣ свои наставленія касательно Миссъ Жаксонъ, вышла на заднее крыльцо и черезъ огородъ побѣжала въ поле

Заря сіяла на востокѣ и золотые ряды облаковъ, казалось, ожидали солнца, какъ царедворцы ожидаютъ Государя; ясное небо, утренняя свѣжесть, роса, вѣтерокъ и пѣніе птичекъ наполняли сердце Лизы младенческой веселостію; боясь какой нибудь знакомой встрѣчи, она, казалось, не шла, а летѣла. Приближаясь къ рощѣ, стоящей на рубежѣ отцовскаго владѣнія, Лиза пошла тише. Здѣсь она должна была ожидать Алексѣя. Сердце ея сильно билось, само не зная, почему; но боязнь, сопровождающая молодыя наши проказы, составляетъ и главную ихъ прелесть. Лиза вошла въ сумракъ рощи. Глухой, перекатный шумъ ея привѣтствовалъ дѣвушку. Веселость ея при-

тихла. Мало по малу предалась она сладкой мечтательности. Она думала... но можно ли съ точностію опредѣлить, о чемъ думаетъ семнадцати-лѣтняя барышня, одна, въ рощѣ, въ шестомъ часу весенняго утра? И такъ она шла, задумавшись, по дорогѣ, осѣненной съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями, какъ вдругъ прекрасная лягавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. Въ то же время раздался голосъ: tout beau, Shogar, ici.... и молодой охотникъ показался изъ за кустарника. «Не бось, милая,» сказалъ онъ Лизѣ, «собака моя не кусается.» Лиза успѣла уже оправиться отъ испуга, и умѣла тотчасъ воспользоваться обстоятельствами. «Да нѣтъ, баринъ,» сказала она, притворяясь полуиспуганной, полузастѣнчивой, «боюсь: она, вишь, такая злая; опять кинется.» Алексѣй (читатель уже узналъ его) между тѣмъ пристально глядѣлъ на молодую крестьянку. «Я провожу тебя, если ты боишься,» сказалъ онъ ей; «ты мнѣ позволишь итти подлѣ себя?» — «А кто те мѣшаетъ?» отвѣчала Лиза; «вольному воля, а дорога

мірская. » — « Ошкуда шы ? » — « Изъ Прилучина ; я дочь Василья кузнеца , иду по грибы. » (Лиза несла кузовокъ на веревочкѣ). « А шы , баринъ ? Тугиловскій , чшо-ли ? » — « Такъ шочно , » опвѣчалъ Алексѣй , « я камердинеръ молодаго барина. » Алексѣю хошѣлось уровнять ихъ ошношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась. « А лжешь, » сказала она , « не на дуру напалъ. Вижу, чшо шы самъ баринъ. » — « Почему-же шы шакъ думаешь ? » — « Да по всему. » — « Однакожъ ? » — « Да какъ же барина съ слугой не распознашь ? И одѣшъ-шо не шакъ , и баишь иначе, и собаку шо кличешь не по нашему. » Лиза часъ ошъ часу болѣе нравилась Алексѣю. Привыкнувъ не церемониться съ хорошенькими поселянками, онъ было хошѣлъ обнять ее; но Лиза ошпрыгнула ошъ него и приняла вдругъ на себя шакой сшрогой и холодной видъ , чшо хошя эшо и разсмѣшило Алексѣя , но удержало его ошъ дальнѣйшихъ покушеній. « Если вы хошишe , чшобы мы были впередъ пріяшелями , » сказала она съ важносшію , « шо не извольше забываться. » — « Кшо шебя на-

училъ этой премудрости?» спросилъ Алексѣй расхохотавшись. «Ужъ не Настенька ли, моя знакомая, не дѣвушка ли барышни вашей? Вотъ какими путями распространяется просвѣщеніе!» Лиза почувствовала, что вышла было изъ своей роли, и тотчасъ поправилась. «А что думаешь?» сказала она; «развѣ я и на барскомъ дворѣ никогда не бываю? небось: всего наслышалась и наглядѣлась. «Однако,» продолжала она, «болтая съ тобою, грибовъ не наберешь. Иди-ка ты, баринъ, въ сторону, а я въ другую. Прощенія просимъ...» Лиза хотѣла удалиться, Алексѣй удержалъ ее за руку. «Какъ тебя зовутъ, душа моя.» — «Акулиной,» отвѣчала Лиза, стараясь освободить свои пальцы отъ руки Алексѣевой; «да пусти-жъ, баринъ; мнѣ и домой пора.» — «Ну, мой другъ Акулина, непремѣнно буду въ гостяхъ къ твоему батюшкѣ, къ Василью кузнецу.» — «Что ты?» возразила съ живостію Лиза, «ради Христа, не приходи. Коли дома узнаютъ, что я съ бариномъ въ рощѣ болтала наединѣ, то мнѣ бѣда будетъ; отецъ мой, Василій кузнецъ,

прибьетъ меня до смерти. » — « Да я непремѣнно хочу съ тобою опять видѣться. » — « Ну я когда нибудь опять сюда приду за грибами. » — « Когда же ? » — « Да хошь завтра. » — « Милая Акулина, расцаловалъ бы тебя, да не смѣю. Такъ завтра, въ это время, не правда ли ? » — « Да, да. » — « И ты не обманешь меня ? » — « Не обману. » — « Побожись. » — « Ну вотъ те святая пятница, приду. »

Молодые люди разстались. Лиза вышла изъ лѣсу, перебралась черезъ поле, прокралась въ садъ и опрометью побѣжала въ ферму, гдѣ Настя ожидала ее. Тамъ она переодѣлась, разсѣянно отвѣчая на вопросы нетерпѣливой наперсницы, и явилась въ гостиную. Столъ былъ накрытъ, завтракъ готовъ, и Миссъ Жаксонъ, уже набѣленая и запянутая въ рюмочку, нарѣзывала тоненькія тартинки. Отецъ похвалилъ ее за раннюю прогулку. « Нѣтъ ничего здоровѣе, » сказалъ онъ, « какъ просыпаться на зарѣ. » Тутъ онъ привелъ нѣсколько примѣровъ человѣческаго долголѣтія, почерпнутыхъ изъ англійскихъ журналовъ, замѣчая, что всѣ люди, жившіе болѣе

сша лѣшъ, не употребляли водки и вставали на зарѣ зимой и лѣтомъ. Лиза его не слушала. Она въ мысляхъ повторяла всѣ обстоятельства утренняго свиданія, весь разговоръ Акулины съ молодымъ охотникомъ, и совѣсть начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себѣ, что бесѣда ихъ не выходила изъ границъ благопристойности, что эта шалость не могла имѣть никакого послѣдствія, совѣсть ея роптала громче ея разума. Обѣщаніе, данное ею на завтрашній день, всего болѣе безпокоило ее: она совсѣмъ было-рѣшилась не сдержать своей торжественной клятвы. Но Алексѣй, прождавъ ея напрасно, могъ итти отыскивать въ селѣ дочь Василья кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую дѣвку, и такимъ образомъ догадаться объ ея легкомысленной проказѣ. Мысль эта ужаснула Лизу, и она рѣшилась на другое утро опять явиться въ рощу Акулиной.

Съ своей стороны Алексѣй былъ въ восхищеніи, цѣлый день думалъ онъ о новой своей знакомкѣ; ночью образъ смуглой красавицы и во снѣ преслѣдовалъ его вообра-

женіе. Заря едва занималась, какъ онъ уже былъ одѣтъ. Не давъ себѣ времени зарядить ружье, вышелъ онъ въ поле съ вѣрнымъ своимъ Сбогаромъ и побѣжалъ къ мѣсту обѣщаннаго свиданія. Около получаса прошло въ несносномъ для него ожиданіи; наконецъ онъ увидѣлъ межъ кустарника мелькнувшій синій сарафанъ, и бросился навстрѣчу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексѣй тотчасъ замѣтилъ на ея лицѣ следы унынія и безпокойства. Онъ хотѣлъ узнать тому причину. Лиза призналась, что поступокъ ея казался ей легкомысленнымъ, что она въ немъ раскаивалась, что на сей разъ не хотѣла она не сдержать даннаго слова, но что это свиданіе будетъ уже послѣднимъ, и что она проситъ его прекратить знакомство, которое ни къ чему доброму не можетъ ихъ довести. Все это, разумѣется, было сказано на крестьянскомъ нарѣчіи; но мысли и чувства, необыкновенныя въ простой дѣвушкѣ, поразили Алексѣя. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, дабы опровратить Акулину отъ ея намѣренія; увѣрялъ ее въ невинности

своихъ желаній, обѣщалъ никогда не подать ей повода къ раскаянію, повиноваться ей во всемъ, заклиналъ ее не лишать его одной отрады: видаться съ нею наединѣ, хотя бы черезъ день, хотя бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ истинной страсти, и въ эту минуту былъ точно влюбленъ. Лиза слушала его молча. «Дай мнѣ слово,» сказала она наконецъ, «что ты никогда не будешь искать меня въ деревнѣ или распрашивать обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искать другихъ со мною свиданій, кромѣ тѣхъ, которыя я сама назначу.» Алексѣй поклялся было ей святою пятницею, но она съ улыбкой остановила его. «Мнѣ не нужно клятвы,» сказала Лиза, «довольно одного твоего обѣщанія.» Послѣ того они дружески разговаривали, гуляя вмѣстѣ по лѣсу, до тѣхъ поръ пока Лиза сказала ему: пора. Они разстались, и Алексѣй, оставшись наединѣ, не могъ понять, какимъ образомъ простая деревенская дѣвочка въ два свиданія успѣла взять надъ нимъ истинную власть. Его сношенія съ Акулиной имѣли для него прелесть новизны, и хотя предписанія

странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему въ голову. Дѣло въ томъ, что Алексѣй, не смотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, былъ доброй и пылкой малый и имѣлъ сердце чистое, способное чувствовать наслажденія невинности.

Если бы слушался я одной своей охоты, то непремѣнно и во всей подробности сталъ бы описывать свиданія молодыхъ людей, возрастающую взаимную склонность и довѣрчивость, занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читателей не раздѣлила бы со мною моего удовольствія. Эти подробности вообще должны казаться притворными, и такъ я пропущу ихъ, сказавъ вкратцѣ, что не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, а мой Алексѣй былъ уже влюбленъ безъ памяти, и Лиза была неравнодушнѣе, хотя и молчаливѣе его. Оба они были счастливы настоящимъ и мало думали о будущемъ.

Мысль о неразрывныхъ узахъ довольно часто мелькала въ ихъ умѣ, но никогда они

о томъ другъ съ другомъ не говорили. Причина ясная : Алексѣй, какъ ни привязанъ былъ къ милой своей Акулинѣ, все помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкою ; а Лиза вѣдала, какая ненависть существовала между ихъ отцами и не смѣла надѣяться на взаимное примиреніе. Къ тому же самолюбіе ея было втайнѣ подстрекаемо темной, романическою надеждою увидѣть наконецъ Тугиловскаго помѣщика у ногъ дочери Прилучинскаго кузнеца. Вдругъ важное происшествіе чуть было не перемѣнило ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ одно ясное, холодное утро (изъ тѣхъ, какими богата наша русская осень), Иванъ Петровичь Берестовъ выѣхалъ прогуляться верхомъ, на всякой случай взявъ съ собою пары три борзыхъ, стремяннаго и нѣсколько дворовыхъ мальчишекъ съ трещотками. Въ то же самое время Григорій Ивановичь Муромскій, соблазнясь хорошею погодою, велѣлъ осѣдлать куцую свою кобылку и рысью поѣхалъ около своихъ англизированныхъ владѣній. Подъѣзжая къ лѣсу, увидѣлъ онъ сосѣда своего, гордо сидящаго верхомъ, въ чекменѣ

подбитомъ лисьимъ мѣхомъ, и поджидающаго зайца, котораго мальчишки крикомъ и трещотками выгоняли изъ кустарника. Если бъ Григорій Ивановичъ могъ предвидѣть эту встрѣчу, то конечно бъ онъ поворотилъ въ сторону; но онъ наѣхалъ на Берестова вовсе неожиданно, и вдругъ очутился отъ него въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла. Дѣлать было нечего: Муромскій, какъ образованный Европеецъ, подъѣхалъ къ своему противнику и учтиво его привѣтствовалъ. Берестовъ отвѣчалъ съ такимъ же усердіемъ, съ каковымъ цѣпной медвѣдь кланяется *Господамъ* по приказанію своего вожатаго. Въ сіе время заяцъ выскочилъ изъ лѣсу и побѣжалъ полемъ. Берестовъ и стремянной закричали во все горло, пустили собакъ и слѣдомъ поскакали во весь опоръ. Лошадь Муромскаго, небывавшая никогда на охотѣ, испугалась и понесла. Муромскій, провозгласившій себя отличнымъ наѣздникомъ, далъ ей волю и внутренно доволенъ былъ случаемъ, избавляющимъ его отъ непріятнаго собесѣдника. Но лошадь, доскакавъ до оврага прежде ею незамѣченнаго,

вдругъ кинулась въ сторону, и Муромскій не усидѣлъ. Упавъ довольно тяжело на мерзлую землю, лежалъ онъ, проклиная свою куцую кобылу, которая, какъ будто опомнясь, тотчасъ остановилась, какъ только почувствовала себя безъ сѣдока. Иванъ Петровичъ подскакалъ къ нему, освѣдомляясь, не ушибся ли онъ. Между тѣмъ стремянный привелъ виновную лошадь, держа ее подъ уздцы. Онъ помогъ Муромскому взобраться на сѣдло, а Берестовъ пригласилъ его къ себѣ. Муромскій не могъ отказаться, ибо чувствовалъ себя обязаннымъ, и такимъ образомъ Берестовъ возвратился домой со славою, заправивъ зяйца и ведя своего противника раненымъ и почти военноплѣннымъ.

Сосѣды, завтракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромскій попросилъ у Берестова дрожекъ, ибо признался, что отъ ушибу не былъ онъ въ состояніи доѣхать до дома верхомъ. Берестовъ проводилъ его до самаго крыльца, а Муромскій уѣхалъ не прежде, какъ взявъ съ него честное слово на другой же день (и съ Алексѣемъ Ивановичемъ) пріѣхать отобѣдать попріятельски

въ Прилучино. Такимъ образомъ вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, готова была прекратиться отъ пугливости куцой кобылки.

Лиза выбѣжала навстрѣчу Григорью Ивановичу. « Что это значитъ, папа? » сказала она съ удивленіемъ; « отъ чего вы хромаете? Гдѣ ваша лошадь? Чьи это дрожки? » — « Вотъ ужъ не угадаешь, my dear, » отвѣчалъ ей Григорій Ивановичъ, и разсказалъ все, что случилось. Лиза не вѣрила своимъ ушамъ. Григорій Ивановичъ, не давъ ей опомниться, объявилъ, что завтра будутъ у него обѣдать оба Берестовы. « Что вы говорите! » сказала она, поблѣднѣвъ. « Берестовы, отецъ и сынъ! Завтра у насъ обѣдать! Нѣтъ, папа, какъ вамъ угодно: я ни за что не покажусь. » — « Что ты, съ ума сошла? » возразилъ отецъ; « давно ли ты стала такъ застѣнчива, или ты къ нимъ питаешь наслѣдственную ненависть, какъ романическая героиня? Полно, не дурачься...» — « Нѣтъ, папа, ни за что на свѣтѣ, ни за какія сокровища не явлюсь я передъ Берестовыми. » Григорій Ивановичъ

пожалъ плечами и болѣе съ нею не спорилъ, ибо зналъ, что противорѣчіемъ съ нея ничего не возмешь, и пошелъ отдыхать отъ своей достопримѣчательной прогулки.

Лизавета Григорьевна ушла въ свою комнату и призвала Настю. Объ долго разсуждали о завтрашнемъ посѣщеніи. Что подумаетъ Алексѣй, если узнаетъ въ благовоспитанной барышнѣ свою Акулину? Какое мнѣніе будетъ онъ имѣть о ея поведеніи и правилахъ, о ея благоразуміи? Съ другой стороны Лизѣ очень хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произвело бы на него свиданіе столь неожиданное.... Вдругъ мелькнула ей мысль. Она тотчасъ передала ее Настѣ; объ обрадовались ей какъ находкѣ, и положили исполнить ее непремѣнно.

На другой день за завтракомъ Григорій Ивановичь спросилъ у дочки все ли намѣрена она спряшаться отъ Берестовыхъ. «Папа,» отвѣчала Лиза, «я приму ихъ, если это вамъ угодно, только съ уговоромъ: какъ бы я передъ ними ни явилась, чтобъ я ни сдѣлала, вы браните меня не будете и не дадите никакого знака удивленія или

неудовольствія. » — « Опять какія нибудь проказы! » сказалъ смѣясь Григорій Ивановичь. « Ну хорошо, хорошо; согласенъ, дѣлай что хочешь, черноглазая моя шалунья. » Съ этимъ словомъ онъ поцаловалъ ее въ лобъ и Лиза побѣжала приготовляться.

Въ два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въѣхала на дворъ и покатилась около густозеленаго дерноваго круга. Старый Берестовъ взошелъ на крыльце съ помощью двухъ ливрейныхъ лакеевъ Муромскаго. Вслѣдъ за нимъ сынъ его пріѣхалъ верхомъ, и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ столовую, гдѣ столъ былъ уже накрытъ. Муромскій принялъ своихъ сосѣдовъ, какъ нельзя ласковѣе, предложилъ имъ осмотрѣть передъ обѣдомъ садъ и звѣринецъ, и повелъ по дорожкамъ, тщательно выметеннымъ и усыпаннымъ пескомъ. Старый Берестовъ внутренно жалѣлъ о потерянномъ прудѣ и времени на столь безполезныя прихоти, но молчалъ изъ вѣжливости. Сынъ его не раздѣлялъ ни неудовольствія расчетливаго помѣщика, ни восхищенія самолюбиваго англомана; но съ нетерпѣніемъ

ожидалъ появленія хозяйской дочери, о которой много наслышался, и хотя сердце его, какъ намъ извѣстно, было уже занято, но молодая красавица всегда имѣла право на его воображеніе.

Возвратясь въ гостиную, они усѣлись втроемъ: старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексѣй размышлялъ о томъ, какую роль играть ему въ присутствіи Лизы. Онъ рѣшилъ, что холодная разсѣянность во всякомъ случаѣ всего приличнѣе, и въ слѣдствіе сего приготовился. Дверь отворилась; онъ повернулъ голову съ такимъ равнодушіемъ, съ такою гордою небрежностію, что сердце самой закоренѣлой кокетки непремѣнно должно было бы содрогнуться. Къ несчастію, вмѣсто Лизы, вошла старая Миссъ Жаксонъ, набѣленая, затянутая, съ потупленными глазами и съ маленькимъ книксомъ, и прекрасное военное движеніе Алексѣево пропало втунѣ. Не успѣлъ онъ снова собраться съ силами, какъ дверь опять отворилась, и на сей разъ вошла Лиза. Всѣ встали; отецъ началъ было представленіе

гостей, но вдругъ остановился и поспѣшно закусилъ себѣ губы.... Лиза, его смуглая Лиза, набѣлена была по уши, насурмлена пуще самой Миссъ Жаксонъ; фальшивые локоны, гораздо свѣтлѣе собственныхъ ея волосъ, взбиты были, какъ парикъ Людовика XIV; рукава à l'imbécille торчали какъ фижмы у Madame de Pompadour; талія была перешянута, какъ буква иксъ, и всѣ бриліянты ея матери, еще не заложенные въ Ломбардѣ, сіяли на ея пальцахъ, шеѣ и ушахъ. Алексѣй не могъ узнать свою Акулину въ этой смѣшной и блестящей барышнѣ. Отецъ его подошелъ къ ея ручкѣ, и онъ съ досадою ему послѣдовалъ; когда прикоснулся онъ къ ея бѣленькимъ пальчикамъ, ему показалось, что они дрожали. Между тѣмъ онъ успѣлъ замѣтить ножку, съ намѣреніемъ выставленную и обутую со всевозможнымъ кокетствомъ. Это помирило его нѣсколько съ остальнымъ ея нарядомъ. Что касается до бѣлилъ и до сурьмы, то въ простотѣ своего сердца, признаться, онъ ихъ съ перваго взгляда не замѣтилъ, да и послѣ не подозрѣвалъ. Григорій Ивано-

вичь вспомнилъ свое обѣщаніе и старался не показать и вида удивленія; но шалость его дочери казалась ему такъ забавна, что онъ едва могъ удержаться. Не до смѣху было чопорной Англичанкѣ. Она догадывалась, что сурьма и бѣлилы были похищены изъ ея комода, и багровый румянецъ досады пробивался сквозь искусственную бѣлизну ея лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, которая, отлагая до другаго времени всякія объясненія, притворялась, будто ихъ не замѣчаетъ.

Сѣли за столъ. Алексѣй продолжалъ играть роль разсѣяннаго и задумчиваго. Лиза жеманилась, говорила сквозъ зубы, нараспѣвъ, и только по-французски. Отецъ поминутно засматривался на нее, не понимая ея цѣли, но находя все это весьма забавнымъ. Англичанка бѣсилась и молчала. Одинъ Иванъ Петровичь былъ какъ дома: ѣлъ за двоихъ, пилъ въ свою мѣру, смѣялся своему смѣху и часъ отъ часу дружелюбнѣе разговаривалъ и хохоталъ.

Наконецъ встали изъ за стола; гости уѣхали, и Григорій Ивановичь далъ волю

смѣху и вопросамъ. «Что тебѣ вздумалось дурачить ихъ?» спросилъ онъ Лизу. «А знаешь ли что? Бѣлилы право тебѣ пристали; не вхожу въ шайны дамскаго туалета, но на твоемъ мѣстѣ я бы сталъ бѣлиться; разумѣется, не слишкомъ, а слегка.» Лиза была въ восхищеніи отъ успѣха своей выдумки. Она обняла отца, обѣщалась ему подумать о его совѣтѣ, и побѣжала умилостивлять раздраженную Миссъ Жаксонъ, которая насилу согласилась отпереть ей свою дверь и выслушать ея оправданія. Лизѣ было совѣстно показаться передъ незнакомцами такой чернавкою; она не смѣла просить... она была увѣрена, что добрая, милая Миссъ Жаксонъ проститъ ей... и проч., и проч. Миссъ Жаксонъ, удостовѣрясь, что Лиза не думала поднять ее на смѣхъ, успокоилась, поцаловала Лизу и въ залогъ примиренія подарила ей баночку Англійскихъ бѣлилъ, которую Лиза и приняла съ изъявленіемъ искренней благодарности.

Читатель догадается, что на другой день утромъ Лиза не замедлила явиться въ

рощѣ свиданій. « Ты былъ, баринъ, вечоръ у нашихъ господъ ? » сказала она потчасъ Алексѣю; « какова показалась тебѣ барышня ? » Алексѣй отвѣчалъ, что онъ ея не замѣтилъ. « Жаль, » возразила Лиза. — « А почему же ? » спросилъ Алексѣй. — « А потому, что я хотѣла бы спросить у тебя, правда ли, говорятъ... » — « Что же говорятъ ? » — « Правда ли, говорятъ, будто бы я на барышню похожа ? » — « Какой вздоръ ! Она передъ тобой уродъ уродомъ. » — « Ахъ, баринъ, грѣхъ тебѣ это говорить; барышня наша такая бѣленькая, такая щеголиха ! Куда мнѣ съ нею ровняться ! » Алексѣй божился ей, что она лучше всевозможныхъ бѣленькихъ барышенъ, и чтобъ успокоить ее совсѣмъ, началъ описывать ея госпожу такими смѣшными чертами, что Лиза хохотала отъ души. « Однакожъ, » сказала она со вздохомъ, « хоть барышня, можетъ, и смѣшна, все же я передъ нею дура безграмотная. » — « И ! » сказалъ Алексѣй, « есть о чемъ сокрушаться ! Да коли хочешь, я потчасъ выучу тебя грамотѣ. » — « А взаправду, » сказала

Лиза, «не попытаться ли и въ самомъ дѣлѣ?» — «Изволь, милая; начнемъ хоть сей часъ.» Они сѣли. Алексѣй вынулъ изъ кармана карандашъ и записную книжку, и Акулина выучилась азбукѣ удивительно скоро. Алексѣй не могъ надивиться ея понятливости. На слѣдующее утро, она захотѣла попробовать и писать; сначала карандашъ не слушался ея, но черезъ нѣсколько минутъ, она и вырисовывать буквы стала довольно порядочно. «Что за чудо!» говорилъ Алексѣй. «Да у насъ ученіе идетъ скорѣе, чѣмъ по Ланкастерской системѣ.» Въ самомъ дѣлѣ, на третьемъ урокѣ Акулина разбирала уже по складамъ Наталью Боярскую дочь, прерывая чтеніе замѣчаніями, отъ которыхъ Алексѣй истинно былъ въ изумленіи, и круглый листъ измарала афоризмами, выбранными изъ той же повѣсти.

Прошла недѣля, и между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была въ дуплѣ стараго дуба Настя впрочемъ исправляла должность почтальона. Туда приносилъ Алексѣй крупнымъ почеркомъ напи-

санныя письма, и тамъ же находилъ на синей простой бумагѣ каракульки своей любезной. Акулина видимо привыкала къ лучшему складу рѣчей, и умъ ея примѣтно развивался и образовывался.

Между тѣмъ, недавнее знакомство между Иваномъ Петровичемъ Берестовымъ и Григорьемъ Ивановичемъ Муромскимъ болѣе и болѣе укрѣплялось и вскорѣ превратилось въ дружбу, вотъ по какимъ обстоятельствамъ: Муромскій нерѣдко думалъ о томъ, что по смерти Ивана Петровича, все его имѣніе перейдетъ въ руки Алексѣю Ивановичу; что въ такомъ случаѣ, Алексѣй Ивановичъ будетъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ той губерніи, и что нѣтъ ему никакой причины не жениться на Лизѣ. Старый же Берестовъ, съ своей стороны, хотя и признавалъ въ своемъ сосѣдѣ нѣкоторое сумазбродство (или, по его выраженію, Англійскую дурь), однако жъ не отрицалъ въ немъ и многихъ отличныхъ достоинствъ, на примѣръ: рѣдкой оборотливости; Григорій Ивановичъ былъ близкой родственникъ Графу Пронскому,

человѣку знатному и сильному; Графъ могъ быть очень полезенъ Алексѣю, а Муромскій (такъ думалъ Иванъ Петровичъ) вѣроятно обрадуется случаю выдать свою дочь выгоднымъ образомъ. Старики до тѣхъ поръ обдумывали все это каждый про себя, что наконецъ другъ съ другомъ и переговорились, обнялись, обѣщались дѣло порядкомъ обработать, и принялись о немъ хлопотать каждый со своей стороны. Муромскому предстояло затрудненіе: уговорить свою Бетси познакомиться короче съ Алексѣемъ, котораго не видала она съ самаго достопамятнаго обѣда. Казалось, они другъ другу не очень нравились; по крайней мѣрѣ Алексѣй уже не возвращался въ Прилучино, а Лиза уходила въ свою комнату всякой разъ, какъ Иванъ Петровичъ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. Но, думалъ Григорій Ивановичъ, если Алексѣй будетъ у меня всякой день, то Бетси должна же будетъ въ него влюбиться. Это въ порядкѣ вещей. Время все сладитъ.

Иванъ Петровичъ менѣе безпокоился объ успѣхѣ своихъ намѣреній. Въ тотъ же ве-

черъ призвалъ онъ сына въ свой кабинетъ, закурилъ трубку, и немного помолчавъ, сказалъ: « Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Или гусарской мундиръ уже тебя не прельщаетъ!» — « Нѣтъ, батюшка, » отвѣчалъ почтительно Алексѣй, « я вижу, что вамъ не угодно, чтобъ я шелъ въ гусары; мой долгъ вамъ повиноваться. » — « Хорошо, » отвѣчалъ Иванъ Петровичь, « вижу, что ты послушный сынъ; это мнѣ утѣшительно; не хочу жъ и я тебя неволить; не понуждаю тебя вступить... тотчасъ... въ статскую службу; а покамѣстъ намѣренъ я тебя женить. »

« На комъ это, батюшка? » спросилъ изумленный Алексѣй.

— « На Лизаветѣ Григорьевнѣ Муромской, » отвѣчалъ Иванъ Петровичь; « невѣста хоть куда; не правда ли? »

« Батюшка, я о женитьбѣ еще не думаю. »

— « Ты не думаешь, такъ я за тебя думалъ и передумалъ. »

« Воля ваша, Лиза Муромская мнѣ вовсе не нравится. »

— « Послѣ понравится. Стерпится, слюбится. »

« Я не чувствую себя способнымъ сдѣлать ея счастіе. »

— « Не твое горе, ея счастіе. Что? такъ-то ты почитаешь волю родительскую? Добро! »

« Какъ вамъ угодно, я не хочу жениться и не женюсь. »

— « Ты женишься, или я тебя прокляну, а имѣніе, какъ Богъ свящъ! продамъ и промотаю, и тебѣ полушки не оставлю. Даю тебѣ три дня на размышленіе, а покамѣстъ не смѣй на глаза мнѣ показаться. »

Алексѣй зналъ, что если отецъ заберетъ что себѣ въ голову, то ужъ того, по выраженію Тараса Скопинина, у него и гвоздемъ не вышибешь; но Алексѣй былъ въ батюшку, и его столь же трудно было переспорить. Онъ ушелъ въ свою комнату и сталъ размышлять о предѣлахъ власти родительской, о Лизаветѣ Григорьевнѣ, о торжественномъ обѣщаніи отца сдѣлать его нищимъ, и наконецъ объ Акулинѣ. Въ первый разъ видѣлъ онъ ясно, что онъ въ

нее страстно влюбленъ; романическая мысль, женишься на крестьянкѣ и жить своими трудами, пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе думалъ онъ о семъ рѣшительномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ благоразумія. Съ нѣкотораго времени свиданія въ рощѣ были прекращены по причинѣ дождливой погоды. Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ чепкимъ почеркомъ и самымъ бѣшенымъ слогомъ, объявлялъ ей о грозящей имъ погибели, и тутъ же предлагалъ ей свою руку. Тотчасъ отнесъ онъ письмо на почту, въ дупло, и легъ спать весьма довольный собою.

На другой день Алексѣй, твердый въ своемъ намѣреніи, рано утромъ поѣхалъ къ Муромскому, дабы откровенно съ нимъ объяснишься. Онъ надѣялся подстрекнуть его великодушіе и склонить его на свою сторону. «Дома ли Григорій Ивановичь?» спросилъ онъ, останавливая свою лошадь передъ крыльцомъ Прилучинскаго замка. «Никакъ нѣтъ,» отвѣчалъ слуга; «Григорій Ивановичь съ утра изволилъ выѣхать.» — «Какъ досадно!» подумалъ Алексѣй. «Дома ли, по

крайней мѣрѣ, Лизавета Григорьевна?» — «Дома-съ.» И Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, отдалъ поводья въ руки лакею, и пошелъ безъ доклада.

«Все будетъ рѣшено,» думалъ онъ, подходя къ гостиной; «объяснюсь съ нею самою.» — Онъ вошелъ.... и остолбенѣлъ! Лиза.... нѣтъ, Акулина, милая, смуглая Акулина, не въ сарафанѣ, а въ бѣломъ, утреннемъ платьицѣ, сидѣла передъ окномъ и читала его письмо; она такъ была занята, что не слыхала, какъ онъ и вошелъ. Алексѣй не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотѣла убѣжать. Онъ бросился ее удерживать. «Акулина, Акулина!....» Лиза старалась отъ него освободиться.... «Mais laissez-moi donc, Monsieur; mais êtes-vous fou?» повторяла она, отворачиваясь. «Акулина! другъ мой, Акулина!» повторялъ онъ, цалуя ея руки. Миссъ Жаксонъ, свидѣтельница этой сцены, не знала, что подумать. Въ эту минуту дверь отворилась, и Григорій Ивановичъ вошелъ.

« Ага ! » сказалъ Муромскій, « да у васъ, кажется, дѣло совсѣмъ уже слажено.... »

Читатели избавятъ меня отъ излишней обязанности описывать развязку.

КОНЕЦЪ ПОВѢСТЯМЪ

И. П. БѢЛКИНА.

ДВѢ ГЛАВЫ

ИЗЪ

ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА.

АСАМБЛЕЯ

ПРИ ПЕТРѢ ПЕРВОМЪ.

I.

АСАМБЛЕЯ

ПРИ ПЕТРѢ ПЕРВОМЪ (*).

Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыму, Вельможи, съ голубыми лентами черезъ плечо, Посланники, иностранные купцы, Офицеры Гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, карабельные мастера въ куртках и полосатыхъ панталонахъ, толпою двигались взадъ и вперед при безпрерывномъ звукѣ духовой музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя блистали всею

(*) См. *Голикова* и *Рускую Старину*.

роскошію моды. Золото и серебро блистало на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы блистали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повершывались на право и на лѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимою стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку Царицы Натальи Кириловны, а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ удовольствіемъ присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей Голландскихъ шхиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юпкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣясь и разговаривая, какъ будто дома. Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. «Que diable est-ce que tout cela?» спрашивалъ К... въ полголоса у Г.... Г....ъ не могъ не улыбнуться. Императрица и Великія Княжны,

блистая красотою и нарядами, прохаживались между грядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К..., желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ шабакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ сихъ столовъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ Англійскимъ шхиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами шабачнаго дыма, и Государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ К..., какъ онъ около ихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались — и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и К....

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину шанцовальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь на право, потомъ на лѣво, шамъ опять прямо, опять на право и шакъ далѣе. К..., смотря на сіе зашѣйливое препровожденіе времени, шаращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные шанцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К... обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьями, одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ, она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. К... къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ шанцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшатель-

ствомъ, и казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. К... ждалъ ея рѣшенія, но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на средину залы и важно сказалъ: «Государь мой, ты провинился: во первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные реверанса; а во вторыхъ, взявъ на себя самому ее выбрать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру; сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ, именно, долженъ выпить *кубокъ большаго орла.*» К... часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась и Онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ Маршалъ асамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіи. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону.

« Ага, » сказалъ Петръ, увидя К...: « попался, братъ! Изволь же, Мосье, пить и не морщиться. » Дѣлать было нечего. Бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его Маршалу. — « Послушай, К... » сказалъ ему Петръ: « шпаны-то на тебѣ бархатныя, какихъ и Я не ношу, а Я тебя гораздо богаче. Это мошовство; смотри, чтобъ Я съ тобой не побранился. » Выслушавъ сей выговоръ, К... хотѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неописанному удовольствію Государя и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать коблучками съ большимъ усердіемъ и ужь вовсе не наблюдая каданса. К.... не могъ участвовать въ общемъ веселіи. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего подошла къ Г.... и потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Г.... протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто; потомъ

отыскавъ К..., вывелъ его изъ зали, посадилъ въ карету и отвезъ домой. Дорогою К... сначала невнятно лепеталъ: «Проклятая асамблея!... проклятой кубокъ большаго орла!...» но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили; и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканья, присѣданія, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большаго орла.

ОБѢДЪ

У РУССКАГО БОЯРИНА.

II.

ОБѢДЪ

У РУССКАГО БОЯРИНА.

День былъ праздничный. Гаврила Аѳанасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными отъ затворничества домашняго указами Государя и собственнымъ Его примѣромъ. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалѣя, что поцѣлуй, получаемый встарину при такомъ случаѣ,

вышелъ ужь изъ обыкновенія; пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подлѣ хозяина, сѣлъ шестьдесятилѣтній Бояринъ; прочіе гости, наблюдая старшинство рода, и тѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли мужчины по одной сторонѣ, женщины по другой; — на концѣ заняли свои привычныя мѣста: барская барыня, въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, тридцатилѣтняя малютка, чопорная и сморщенная, и плѣнный Шведъ, въ синемъ поношеномъ мундирѣ. — Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливой и многочисленной челядью, между которою отличался дворецкой строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностію. — Первыя минуты обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведенію старинной нашей кухни, звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ: «а гдѣ-же Екимовна? Позвать ее сюда.»

Нѣсколько слугъ бросились было въ разныя стороны, но въ ту же минуту старая женщина, набѣленая и нарумяненая, убранная цвѣтами и мишурою, въ шифономъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью, вошла припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

— «Здравствуй, Екимовна,» сказалъ К. Лыковъ, «каково поживаешь?»

— «По добру по здорову, кумъ: поючи да пляшучи, женишковъ поджидаючи.»

— «Гдѣ ты была, дура?» спросилъ хозяинъ.

— «Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по Царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому манеру.»

При сихъ словахъ поднялся громкой хохотъ, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяина.

— «А дура-то врешъ, врешъ, да и правду соврешъ,» сказала Татьяна Аѳанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно имъ уважаемая. «Подлинно нынѣшніе наряды на

смѣхъ всему міру. Коли ужь и вы, бапюшки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, такъ про женское трепье толковать, конечно, нечего: а право жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника. Вѣдь посмотрѣть на нынѣшнихъ красавицъ, и смѣхъ и жалость: волоски по взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны французской мукою, животикъ перетянутъ такъ, что еле не перервется, исподницы напялены на обручи: въ колышагу садятся бочкомъ; въ двери входятъ — нагибаются. Ни спать, ни сѣсть, ни духъ перевести сущія мученицы, мои голубушки.

«Охъ, матушка Татьяна Аѳанасьевна,» сказалъ Кирила Петровичъ Т., бывшій въ Рязани воевода, гдѣ нажилъ себѣ три тысячи душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ. «По мнѣ жена какъ хочешь одѣвайся: хоть купафьей, хоть болдыханомъ; только бъ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя платья, а прежнія бросала новёшенькія. Бывало внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшніе

робронды — поглядишь — сегодня на барынѣ, а завтра на холопкѣ. Что дѣлать? разореніе русскому дворянству! бѣда, да и только.» При сихъ словахъ, онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильиничну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старинѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали; ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностію молодой женщины.

«А кто виноватъ,» сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ, напѣвая кружку кислыхъ щей. «Не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся; а мы имъ потакаемъ.»

«А что намъ дѣлать, коли не наша воля?» возразилъ Кирила Петровичъ. «Иной бы радъ былъ запереть жену въ терем, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на асамблею; мужъ за плешку, а жена за наряды. — Охъ ужь эти асамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.»

Марья Ильинична сидѣла, какъ на иголкахъ; языкъ у нея такъ и свербѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла, и обратясь къ

мужу, спросила его съ кисленькой улыбкою, что находишъ онъ дурнаго въ асамблеяхъ?

« А то въ нихъ дурно, » отвѣчалъ разгоряченный супругъ, « что съ тѣхъ поръ, какъ онѣ завелись, мужья не сладятъ съ женами. Жены позабыли слово Апостольское: ***жена да убоится своего мужа.*** Хлопочутъ не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ, какъ бы мужу угодишь, а какъ бы приглянуться офицерамъ вертопрахамъ. Да и прилично ли, сударыня, русской боярынѣ или боярышнѣ находиться вмѣстѣ съ Нѣмцами-табачниками, да съ ихъ работницами? Слыхано ли дѣло, до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами? И добро бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незнакомыми.

« Сказалъ бы словечко, да волкъ не далечко, » сказалъ, нахмурясь, Гаврила Аѳанасьевичъ; « а признаюсь — асамблеи и мнѣ не по нраву: того и гляди, что на пьянаго наткнешься, аль и самого на смѣхъ пьянымъ напоятъ. Того и гляди, чтобъ какой-нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью; а

нынѣче молодежь такъ избаловалась, что ни на что не похоже. Вотъ, напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича К.... на прошедшей асамблеѣ, надѣлалъ такого шуму съ Наташей, что привелъ меня въ краску. — На другой день, гляжу, катятъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думалъ, кого-то Богъ несетъ, ужь не Князя-ли Александра Даниловича? Не тутъ-то было: Ивана Евграфовича! небось, не могъ остановиться у воротъ, да потрудиться пѣшкомъ дойти до крыльца — куды! влетѣлъ! разшаркался! разболтался! .. Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.»

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во всѣ стороны, приговаривая: «мусье.... мамзель.... асамблея.... пардонъ.» — Общій и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе гостей.

«Ни дать, ни взять — К....,» сказалъ старый Князь Лыковъ, отирая слезы смѣха,

когда спокойствіе мало по малу возстановилось. « А что грѣха таишь? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Нѣмецчины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркаешь, болтаешь, Богъ вѣсть на какомъ нарѣчіи, не почитаешь старшихъ, да волочишься за чужими женами. Изо всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ, (прости Господи), Царской Арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походитъ.

— « Конечно, » замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичъ, « человѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону... Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужь не опять-ли обезьяна заморская? Вы что зѣваете, скопы?» продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ: « бѣгите, отказать ему; да чтобъ и впредь....»

« Старая борода, не бредишь ли? » прервала дура Екимовна. « Али ты слѣпъ: санитто Государевы, Царь пріѣхалъ. »

Гаврила Аѳанасьевичъ вскалъ поспѣшно изъ-за стола; всѣ бросились къ окнамъ; и

въ самомъ дѣлѣ увидѣли Государя, который всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего деньщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился навстрѣчу Петра; слуги разбѣгались, иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра, все ушихло и Царь вошелъ, въ сопровожденіи хозяина, опоропѣлаго отъ радости. — «Здорово, господа,» сказалъ Петръ съ веселымъ лицемъ. Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры Царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; Онъ подозвалъ ее. Наталья Гавриловна приближилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча. «Ты часъ отъ часу хорошѣешь,» сказалъ ей Государь, и по своему обыкновенію, поцѣловалъ ее въ голову; потомъ обратясь къ гостямъ, — «Что же? Я вамъ помѣшалъ. Вы обѣдали; прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка анисовой водки.» Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него подносъ, самъ наполнилъ золотую чарочку, и подалъ ее съ поклономъ

Государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ Царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ деньщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другаго прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту предъ симъ шумно оживленный веселіемъ и говорливостію, продолжался въ тишинѣ и принужденности. Хозяинъ изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ, гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ Государь по-нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ Шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая Государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностію, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости. « Гаврила Аѳанасье-

вичъ!» сказалъ Онъ хозяину: «Мнѣ нужно съ тобою поговорить на единѣ,» и взявъ его подъ руку, увелъ въ гостиную и заперъ за собою дверь. Гости осталисъ въ столовой, шопотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи, и опасаясь быть нескромными, вскорѣ разъѣжались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-соль.

ПИКОВАЯ ДАМА.

Пиковая дама означаетъ тайную недоброжелательность.

Новѣйшая гадательная книга.

ПИКОВАЯ ДАМА.

I.

А въ ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — Богъ ихъ прости! —
Отъ пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ, въ ненастные дни,
Занимались они
Дѣломъ.

Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незамѣтно; сѣли ужинать въ пятомъ часу утра. Тѣ, которые остались въ выигрышѣ, ѣли съ большимъ апетитомъ; прочіе, въ разсѣянности, сидѣли передъ пустыми своими

приборами. Но шампанское явилось, разговоръ оживился, и всѣ приняли вѣ немъ участіе.

— Что ты сдѣлалъ, Суринъ? спросилъ хозяинъ.

— Проигралъ, по обыкновенію. Надобно признаться, что я несчастливъ: играю мирандолемъ, никогда не горячусь, ничѣмъ меня съ толку не собьешь, а все проигрываюсь!

— И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставилъ на *руте?* ... Твердость твоя для меня удивительна.

— А каковъ Германнъ! сказалъ одинъ изъ гостей, указывая на молодаго инженера: отъ роду не бралъ онъ карты въ руки, отъ роду не загнулъ ни одного пароли, а до пяти часовъ сидитъ съ нами, и смотритъ на нашу игру!

— Игра занимаетъ меня сильно, сказалъ Германнъ: но я не въ состояніи жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее.

— Германнъ Нѣмецъ: онъ расчетливъ, вотъ и все! замѣтилъ Томскій. А если кто

для меня непонятенъ, такъ это моя бабушка, Графиня Анна Ѳедотовна.

— Какъ? что? закричали гости.

— Не могу постигнуть, продолжалъ Томскій: какимъ образомъ бабушка моя не понтируетъ!

— Да что жъ тутъ удивительнаго, сказалъ Нарумовъ, что осьмидесятилѣтняя старуха не понтируетъ?

— Такъ вы ничего про нее не знаете?

— Нѣтъ! право, ничего!

— О, такъ послушайте:

Надобно знать, что бабушка моя, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, ѣздила въ Парижъ, и была тамъ въ большой модѣ. Народъ бѣгалъ за нею, чтобъ увидѣть la Vénus moscovite; Ришелье за нею волочился, и бабушка увѣряетъ, что онъ чуть было не застрѣлился отъ ея жестокости.

Въ то время дамы играли въ фараонъ. Однажды при Дворѣ она проиграла на слово Герцогу Орлеанскому что-то очень много. Пріѣхавъ домой, бабушка, отлѣпливая мушки съ лица и отвязывая фижмы, объявила

дѣдушкѣ о своемъ проигрышѣ, и приказала заплатить.

Покойный дѣдушка, сколько я помню былъ родъ бабушкина дворецкаго. Онъ ея боялся, какъ огня; однако, услышавъ о такомъ ужасномъ проигрышѣ, онъ вышелъ изъ себя, принесъ счеты, доказалъ ей, что въ полгода они издержали полмилліона, что подъ Парижемъ нѣтъ у нихъ ни Подмосковной, ни Саратовской деревни, и начисто отказался отъ платежа. Бабушка дала ему пощечину, и легла спать одна, въ знакъ своей немилости.

На другой день она велѣла позвать мужа, надѣясь, что домашнее наказаніе надъ нимъ подѣйствовало, но нашла его непоколебимымъ. Въ первый разъ въ жизни она дошла съ нимъ до разсужденій и объясненій; думала усовѣстить его, снисходительно доказывая, что долгъ долгу рознь, и что есть разница между Принцемъ и каретникомъ. — Куда! дѣдушка бунтовалъ. Нѣтъ, да и только! Бабушка не знала, что дѣлать.

Съ нею былъ коротко знакомъ человѣкъ очень замѣчательный. Вы слышали о Графѣ

Сенъ-Жерменѣ, о которомъ разсказываютъ такъ много чудеснаго. Вы знаете, что онъ выдавалъ себя за вѣчнаго жида, за изобрѣтателя жизненнаго эликсира и философскаго камня, и прочая. Надъ нимъ смѣялись, какъ надъ шарлатаномъ, а Казанова въ своихъ Запискахъ говоритъ, что онъ былъ шпіонъ, впрочемъ Сенъ-Жерменъ, не смотря на свою таинственность, имѣлъ очень почтенную наружность, и былъ въ обществѣ человѣкъ очень любезный. Бабушка до сихъ поръ любитъ его безъ памяти, и сердится если говорятъ объ немъ съ неуваженіемъ. Бабушка знала, что Сенъ-Жерменъ могъ располагать большими деньгами. Она рѣшилась къ нему прибѣгнуть. Написала ему записку, и просила немедленно къ ней пріѣхать.

Старый чудакъ явился тотчасъ, и засталъ въ ужасномъ горѣ. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа, и сказала наконецъ, что всю свою надежду полагаетъ на его дружбу и любезность.

Сенъ-Жерменъ задумался. — «Я могу вамъ услужить этой суммою,» сказалъ онъ, «но

знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я бы не желалъ вводить васъ въ новыя хлопоты. Есть другое средство: вы можете отыграться.»

« Но, любезный Графъ, » отвѣчала бабушка, « я говорю вамъ, что у насъ денегъ вовсе нѣтъ. » — « Деньги тутъ не нужны, » возразилъ Сенъ-Жерменъ: « извольте меня выслушать. » Тутъ онъ открылъ ей тайну, за которую всякой изъ насъ дорого бы далъ....

Молодые игроки удвоили вниманіе. Томскій закурилъ трубку, затянулся, и продолжалъ.

Въ тотъ же самый вечеръ бабушка явилась въ Версали, au jeu de la Reine. Герцогъ Орлеанскій металъ; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, въ оправданіе сплела маленькую исторію, и стала противъ него понтировать. Она выбрала три карты, поставила ихъ одну за другою: всѣ три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно.

— Случай! сказалъ одинъ изъ гостей.

— Сказка! замѣтилъ Германнъ.

— Можетъ статься, порошковыя карты? подхватилъ третій.

— Не думаю, отвѣчалъ важно Томскій.

— Какъ! сказалъ Нарумовъ: у тебя есть бабушка, которая угадываетъ три карты сряду, а ты до сихъ поръ не переняль у ней ея кабалистики?

Да, чорта съ два! отвѣчалъ Томскій: у ней было четверо сыновей, въ томъ числѣ и мой отецъ; всѣ четыре отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны; хотя это было бы не худо для нихъ, и даже для меня. Но вотъ что мнѣ разсказывалъ дядя, Графъ Иванъ Ильичъ, и въ чемъ онъ меня увѣрялъ честью. Покойный Чаплицкій, тотъ самый, который умеръ въ нищетѣ, промотавъ милліоны, однажды въ молодости своей проигралъ — помнится Зоричу, — около трехъ сотъ тысячъ. Онъ былъ въ отчаяніи. Бабушка, которая всегда была строга къ шалостямъ молодыхъ людей, какъ-то сжалилась надъ Чаплицкимъ. Она дала ему три карты, съ тѣмъ, чтобъ онъ поставилъ ихъ одну за другою, и взяла съ него честное слово впредь

уже никогда не играть. Чаплицкій явился къ своему побѣдителю : они сѣли играть. Чаплицкій поставилъ на первую карту пятьдесятъ тысячъ, и выигралъ соника; загнулъ пароли, пароли-пе, — отыгрался, и остался еще въ выигрышѣ....

Однако пора спать: уже безъ четверти шестъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ разсвѣтало: молодые люди допили свои рюмки, и разъѣхались.

II.

— Il paraît que monsieur est décidément pour les suivantes.

— Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches.

Свѣтскій разговоръ.

Старая Графиня *** сидѣла въ своей уборной передъ зеркаломъ. Три дѣвушки окружали ее. Одна держала банку румянъ, другая коробку со шпильками, третья высокій чепецъ съ лентами огненнаго цвѣта. Графиня не имѣла ни малѣйшаго притязанія на красоту давно увядшую, но сохраняла всѣ привычки своей молодости, строго слѣдовала модамъ семидесятыхъ годовъ, и одѣвалась такъ же долго, такъ же старательно, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. У окошка сидѣла за пяльцами барышня, ея воспитанница.

— Здравствуйте, grand'-maman, сказалъ, вошедши, молодой офицеръ. Bon jour, made-

moiselle Lise. Grand'-maman, я къ вамъ съ просьбою.

— Что такое, Paul?

— Позвольте вамъ представить одного изъ моихъ пріятелей, и привезти его къ вамъ въ Пятницу на балъ.

— Привези мнѣ его прямо на балъ, и тутъ мнѣ его и представишь. Былъ ты вчерась у ***?

— Какъ же! очень было весело; танцовали до пяти часовъ. Какъ хороша была Елецкая!

— И, мой милый! Что въ ней хорошаго? Такова ли была ея бабушка, Княгиня Дарья Петровна?... Кстати: я чай она ужъ очень постарѣла, Княгиня Дарья Петровна?

— Какъ, постарѣла? отвѣчалъ разсѣянно Томскій: она лѣтъ семь какъ умерла.

Барышня подняла голову, и сдѣлала знакъ молодому человѣку. Онъ вспомнилъ, что отъ старой Графини таили смерть ея ровесницъ, и закусилъ себѣ губу. Но Графиня услышала вѣсть, для нея новую, съ большимъ равнодушіемъ.

— Умерла! сказала она: а я и не знала! Мы вмѣстѣ были пожалованы во Фрейлины, и когда мы представились, то Государыня....

И Графиня въ сотый разъ разсказала внуку свой анекдотъ.

— Ну, Paul, сказала она потомъ: теперь помоги мнѣ встать. Лизанька, гдѣ моя табакерка?

И Графиня со своими дѣвушками пошла за ширмами оканчивать свой туалетъ. Томскій остался съ барышнею.

— Кого это вы хотите представить? тихо спросила Лизавета Ивановна.

— Нарумова. Вы его знаете?

— Нѣтъ! Онъ военный, или статскій?

— Военный.

— Инженеръ?

— Нѣтъ! кавалеристъ. А почему вы думали, что онъ инженеръ?

Барышня засмѣялась, и не отвѣчала ни слова.

— Paul! закричала Графиня изъ-за ширмовъ: пришли мнѣ какой нибудь новый романъ, только, пожалуйста, не изъ нынѣшнихъ.

— Какъ это, grand' maman?

— То есть, такой романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери, и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ. Я ужасно боюсь утопленниковъ!

— Такихъ романовъ нынче нѣтъ. Не хотите ли развѣ Русскихъ?

— А развѣ есть Русскіе романы?.... Пришли, батюшка, пожалуйста пришли!

— Простите, grand'-maman: я спѣшу... Простите, Лизавета Ивановна! Почему же вы думали, что Нарумовъ инженеръ?

И Томскій вышелъ изъ уборной.

Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядѣть въ окно. Вскорѣ на одной сторонѣ улицы изъ-за угольнаго дома показался молодой офицеръ. Румянецъ покрылъ ея щеки: она принялась опять за работу, и наклонила голову надъ самой канвою. Въ это время вошла Графиня, совсѣмъ одѣтая.

— Прикажи, Лизанька, сказала она, карету закладывать, и поѣдемъ прогуляться.

Лизанька встала изъ-за пяльцевъ и стала убирать свою работу.

— Что ты, мать моя! глуха, что-ли! закричала Графиня. Вели скорѣй закладывать карету.

— Сейчасъ! отвѣчала тихо барышня, и побѣжала въ переднюю.

Слуга вошелъ, и подалъ Графинѣ книги отъ Князя Павла Алѐксандровича.

— Хорошо! Благодарить, сказала Графиня. Лизанька, Лизанька! да куда жъ ты бѣжишь?

— Одѣваться.

— Успѣешь, матушка. Сиди здѣсь. Раскрой-ка первый томъ; читай вслухъ...

Барышня взяла книгу, и прочла нѣсколько строкъ.

— Громче! сказала Графиня. Что съ тобою, мать моя? съ голосу спала, что ли?... Погоди: подвинь мнѣ скамеечку; ближе,... ну! —

Лизавета Ивановна прочла еще двѣ страницы. Графиня зѣвнула.

— Брось эту книгу, сказала она: что за вздоръ! Отошли это Князю Павлу, и вели благодарить... Да что-жъ карета?...

Карета готова, сказала Лизавета Ивановна, взглянувъ на улицу.

— Чтожъ ты не одѣта? сказала Графиня: всегда надобно тебя ждать! Это, матушка, несносно.

Лиза побѣжала въ свою комнату. Не прошло двухъ минутъ, Графиня начала звонить изо всей мочи. Три дѣвушки вбѣжали въ одну дверь, а камердинеръ въ другую.

— Что это васъ не докличешься? сказала имъ Графиня. Сказать Лизаветѣ Ивановнѣ, что я ее жду.

Лизавета Ивановна вошла въ капотѣ и въ шляпкѣ.

— Наконецъ, мать моя! сказала Графиня. Что за наряды! За чѣмъ это?.... кого прельщать?... А какова погода? — кажется, вѣтеръ.

— Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Сіятельство! очень тихо-съ! отвѣчалъ камердинеръ.

— Вы всегда говорите наобумъ! Отворите форточку. Такъ и есть: вѣтеръ! и прехолодный! Отложить карету! Лизань-

ка, мы не поѣдемъ: нечего было наряжаться.

И вотъ моя жизнь! подумала Лизавета Ивановна.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизавета Ивановна была пренесчастное созданіе. Горекъ чужой хлѣбъ, говоритъ Данте, и тяжелы ступени чужаго крыльца, а кому и знать горечь зависимости, какъ не бѣдной воспитанницѣ знатной старухи? Графиня ***, конечно, не имѣла злой души; но была своенравна, какъ женщина, избалованная свѣтомъ, скупа и погружена въ холодный эгоизмъ, какъ и всѣ старые люди, оплюбившіе въ свой вѣкъ и чуждые настоящему. Она участвовала во всѣхъ суетностяхъ большаго свѣта; таскалась на балы, гдѣ сидѣла въ углу, разрумяненная и одѣтая по старинной модѣ, какъ уродливое и необходимое украшеніе бальной залы; къ ней съ низкими поклонами подходили пріѣзжающіе гости, какъ по установленному обряду, и потомъ уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь городъ, наблюдая строгій этикетъ

и не узнавая никого въ лице. Многочисленная челядь ея, разжирѣвъ и посѣдѣвъ въ ея передней и дѣвичьей, дѣлала, что хотѣла, наперерывъ обкрадывая умирающую старуху. Лизавета Ивановна была домашней мученицею. Она разливала чай, и получала выговоры за лишній расходъ сахара; она вслухъ читала романы, и виновата была во всѣхъ ошибкахъ автора; она сопровождала Княгиню въ ея прогулкахъ, и отвѣчала погоду и за мостовую. Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; а между тѣмъ требовали отъ нее, чтобъ она одѣта была, какъ и всѣ, то есть, какъ очень немногія. Въ свѣтѣ играла она самую жалкую роль. Всѣ ее знали, и никто не замѣчалъ; на балахъ она танцовала только тогда, какъ не доставало vis-à-vis, и дамы брали ее подъ руку всякой разъ, какъ имъ нужно было итти въ уборную поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ. Она была самолюбива, живо чувствовала свое положеніе, и глядѣла кругомъ себя, — съ нетерпѣніемъ ожидала избавителя; но молодые люди, расчетливые въ вѣтреномъ сво-

емъ пищеславіи, не удостоивали ея вниманія, хотя Лизавета Ивановна была сто разъ милѣе наглыхъ и холодныхъ невѣстъ, около которыхъ они увивались. Сколько разъ, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать въ бѣдной своей комнатѣ, гдѣ стояли ширмы, оклееныя обоями, комодъ, зеркальце и крашеная кровать, и гдѣ сальная свѣча темно горѣла въ мѣдномъ тандалѣ!

Однажды, — это случилось два дня послѣ вечера, описаннаго въ началѣ этой повѣсти, и за недѣлю передъ той сценой, на которой мы остановились, — однажды Лизавета Ивановна, сидя подъ окошкомъ за пяльцами, нечаянно взглянула на улицу, и увидѣла молодаго инженера, стоящаго неподвижно и устремившаго глаза къ ея окошку. Она опустила голову и снова занялась работой; черезъ пять минутъ взглянула опять, — молодой офицеръ стоялъ на томъ же мѣстѣ. Не имѣя привычки кокетничать съ прохожими офицерами, она перестала глядѣть на улицу, и шила около двухъ часовъ, не приподнимая головы. Подали обѣ-

дашь. Она встала, начала убирать свои пяльцы, и, взглянувъ нечаянно на улицу, опять увидѣла офицера. Это показалось ей довольно страннымъ. Послѣ обѣда она подошла къ окошку съ чувствомъ нѣкотораго безпокойства, но уже офицера не было, — и она про него забыла...

Дня черезъ два, выходя съ Княчиней садится въ карету, она опять его увидѣла. Онъ стоялъ у самаго подъѣзда, закрывъ лице бобровымъ воротникомъ: черные глаза его сверкали изъ-подъ шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и сѣла въ карету съ трепетомъ неизъяснимымъ.

Возвратясь домой, она подбѣжала къ окошку, — офицеръ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, устремивъ на нее глаза: она отошла, мучась любопытствомъ и волнуемая чувствомъ, для нея совершенно новымъ.

Съ того времени не проходило дня, чтобъ молодой человѣкъ, въ извѣстный часъ, не являлся подъ окнами ихъ дома. Между имъ и ею учредились неусловленныя

сношенія. Сидя на своемъ мѣстѣ за работой, она чувствовала его приближеніе, — подымала голову, смотрѣла на него съ каждымъ днемъ долѣе и долѣе. Молодой человѣкъ, казалось, былъ за то ей благодаренъ: она видѣла острымъ взоромъ молодости, какъ быстрый румянецъ покрывалъ его блѣдныя щеки всякой разъ, когда взоры ихъ встрѣчались. Черезъ недѣлю она ему улыбнулась....

Когда Томскій спросилъ позволенія представить Княгинѣ своего пріятеля, сердце бѣдной дѣвушки забилось. Но узнавъ, что Нарумовъ, не инженеръ а конногвардеецъ, она сожалѣла, что нескромнымъ вопросомъ высказала свою тайну вѣтреному Томскому.

Германнъ былъ сынъ обрусѣвшаго Нѣмца, оставившаго ему маленькій капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германнъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти. Впрочемъ, онъ былъ скрытенъ и честолюбивъ, и товарищи его рѣдко имѣли случай посмѣяться надъ его излишней бережливостью. Онъ имѣлъ сильныя страсти

и огненное воображеніе, но твердость спасла его отъ обыкновенныхъ заблужденій молодости. Такъ, напримѣръ, будучи въ душѣ игрокъ, никогда не бралъ онъ карты въ руки, ибо расчиталъ, что его состояніе не позволяло ему (какъ сказывалъ онъ) *жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее*, — а между тѣмъ, цѣлыя ночи просиживалъ за карточными столами, и слѣдовалъ съ лихорадочнымъ трепетомъ за различными оборотами игры.

Анекдотъ о трехъ картахъ сильно подѣйствовалъ на его воображеніе, и цѣлую ночь не выходилъ изъ его головы. — Что, если, думалъ онъ на другой день вечеромъ, бродя по Петербургу: что, если старая Графиня откроетъ мнѣ свою тайну! — или назначитъ мнѣ эти три вѣрныя карты! Почему жъ не попробовать своего счастія? Представиться ей, подбиться въ ея милость, — пожалуй, сдѣлаться ея любовникомъ, — но на все это требуется время — а ей восемьдесятъ семь лѣтъ, — она можетъ умереть черезъ недѣлю, — черезъ два дня!... Да и самый анекдотъ?... Можно ли ему

вѣрить ?... Нѣтъ! расчетъ, умѣренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, вотъ что утроитъ, усемеритъ мой капиталъ, и доставитъ мнѣ покой и независимость! —

Разсуждая такимъ образомъ, очутился онъ въ одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, передъ домомъ старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились къ освѣщенному подъѣзду. Изъ каретъ поминутно выпягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, до полосатый чулокъ и дипломатическій башмакъ. Шубы и плащи мелькали мимо величаваго швейцара. Германнъ остановился.

— Чей это домъ? спросилъ онъ у угловаго будочника.

— Графини ***, отвѣчалъ будочникъ.

Германнъ затрепеталъ. Удивительный анекдотъ снова представился его воображенію. Онъ сталъ ходить около дома, думая объ его хозяйкѣ и о чудной ея способности.

Поздно воротился онъ въ смиренный свой уголокъ; долго не могъ заснуть, и, когда сонъ имъ овладѣлъ, ему пригрѣзились карты, зеленый столъ, кипы ассигнацій и груды червонцевъ. Онъ ставилъ карту за картой, гнулъ углы рѣшительно, выигрывалъ безпрестанно, и загребалъ къ себѣ золото, и клалъ ассигнаціи въ карманъ. Проснувшись уже поздно, онъ вздохнулъ о потерѣ своего фантастическаго богатства, пошелъ опять бродить по городу, и опять очутился передъ домомъ Графини ***. Невѣдомая сила, казалось, привлекала его къ нему. Онъ остановился, и сталъ смотрѣть на окна. Въ одномъ увидѣлъ онъ черноволосую головку, наклоненную, вѣроятно, надъ книгой или надъ работой. Головка приподнялась. Германнъ увидѣлъ свѣжее личико и черные глаза. Эта минута рѣшила его участь.

III.

Vous m'écrivez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire.

Переписка.

Только Лизавета Ивановна успѣла снять капотъ и шляпу, какъ уже Графиня послала за нею, и велѣла опять подавать карету. Онѣ пошли садиться. Въ то самое время, какъ два лакея приподняли старуху и просунули въ дверцы, Лизавета Ивановна у самаго колеса увидѣла своего инженера; онъ схватилъ ея руку; она не могла опомниться отъ испугу, молодой человѣкъ исчезъ: письмо осталось въ ея рукѣ. Она спряпала его за перчатку, и во всю дорогу ничего не слыхала и не видала. Графиня имѣла обыкновеніе поминутно дѣлать въ каретѣ вопросы: кто это съ нами встрѣтился? — какъ зовутъ этотъ мостъ? — что тамъ

написано на вывѣскѣ? Лизавета Ивановна на сей разъ ошвѣчала наобумъ и не въ попадъ, и разсердила Графиню.

— Что съ тобою сдѣлалось, мать моя! Столбнякъ на тебя нашелъ, что ли? Ты меня или не слышишь или не понимаешь?..! Слава Богу, я не каршавлю, и изъ ума еще не выжила!

Лизавета Ивановна ея не слушала. Возвратясь домой, она побѣжала въ свою комнату, вынула изъ-за перчатки письмо: оно было незапечатано. Лизавета Ивановна его прочитала. Письмо содержало въ себѣ признаніе въ любви: оно было нѣжно, почтительно и слово-въ-слово взято изъ Нѣмецкаго романа. Но Лизавета Ивановна по-Нѣмецки не умѣла и была очень имъ довольна.

Однако принятое ею письмо безпокоило ее чрезвычайно. Впервые входила она въ тайныя, тѣсныя сношенія съ молодымъ мужчиною. Его дерзость ужасала ее. Она упрекала себя въ неосторожномъ поведеніи, и не знала, что дѣлать: перестать ли сидѣть у окошка, и невниманіемъ охладить въ молодомъ офицерѣ охоту къ дальнѣйшимъ

преслѣдованіямъ ? — отослать ли ему письмо ? — отвѣчать ли холодно и рѣшительно ? Ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться ; у ней не было ни подруги, ни наставницы. Лизавета Ивановна рѣшилась отвѣчать.

Она сѣла за письменный столикъ, взяла перо, бумагу, — и задумалась. Нѣсколько разъ начинала она свое письмо, — и рвала его : то выраженія казались ей слишкомъ сносходительными, то слишкомъ жестокими. Наконецъ ей удалось написать нѣсколько строкъ, которыми она осталась довольна. « Я увѣрена, писала она, что вы имѣете честныя намѣренія, и что вы не хотѣли оскорбить меня необдуманнымъ поступкомъ ; но знакомство наше не должно бы начаться такимъ образомъ. Возвращаю вамъ письмо ваше, и надѣюсь, что не буду впредь имѣть причины жаловаться на незаслуженное неуваженіе. »

На другой день, увидя идущаго Германна, Лизавета Ивановна встала изъ-за пяльцевъ, вышла въ залу, отворила форточку, и бросила письмо на улицу, надѣясь на проворство молодаго офицера. Германнъ подбѣжалъ,

поднялъ его, и вошелъ въ кандишерскую лавку. Сорвавъ печать, онъ нашелъ свое письмо, и отвѣтъ Лизаветы Ивановны. Онъ того и ожидалъ, и возвратился домой, очень занятый своей интригою.

Три дня послѣ того, Лизаветѣ Ивановнѣ молоденькая, быстроглазая мамзель принесла записечку изъ модной лавки. Лизавета Ивановна открыла ее съ безпокойствомъ, предвидя денежныя требованія, и вдругъ узнала руку Германна.

— Вы, душенька, ошиблись, сказала она: эта записка не ко мнѣ.

— Нѣтъ, точно къ вамъ! отвѣчала смѣлая дѣвушка, не скрывая лукавой улыбки. Извольте прочитать!

Лизавета Ивановна пробѣжала записку. Германнъ требовалъ свиданія.

— Не можетъ-быть! сказала Лизавета Ивановна, испугавшись и поспѣшности требованій, и способу, имъ употребленному. Это писано вѣрно не ко мнѣ! — И разорвала письмо въ мелкіе кусочки.

— Коли письмо не къ вамъ, зачѣмъ же вы его разорвали? сказала мамзель: я бы возвратила его тому, кто его послалъ.

— Пожалуйста, душенька! сказала Лизавета Ивановна, вспыхнувъ отъ ея замѣчанія: впередь ко мнѣ записокъ не носите. А тому, кто васъ послалъ, скажите, что ему должно быть стыдно....

Но Германнъ не унялся. Лизавета Ивановна каждый день получала отъ него письма, то тѣмъ, то другимъ образомъ. Онѣ уже не были переведены съ Нѣмецкаго. Германнъ ихъ писалъ, вдохновенный страстію, и говорилъ языкомъ, ему свойственнымъ: въ нихъ выражались и непреклонность его желаній, и безпорядокъ необузданнаго воображенія. Лизавета Ивановна уже не думала ихъ отсылать: она упивалась ими; стала на нихъ отвѣчать, — и ея записки часъ отъ часу становились длиннѣе и нѣжнѣе. Наконецъ, она бросила ему въ окошко слѣдующее письмо:

— «Сегодня баль у ***скаго Посланника. Графиня тамъ будетъ. Мы останемся часовъ до двухъ. Вотъ вамъ случай увидѣть меня

наединѣ. Какъ скоро Графиня уѣдетъ, ея люди вѣроятно разойдутся, въ сѣняхъ останется швейцаръ, но и онъ обыкновенно уходитъ въ свою каморку. Приходите въ половинѣ двѣнадцатаго. Ступайте прямо на лѣстницу. Коли вы найдете кого въ передней, то вы спросите, дома ли Графиня. Вамъ скажутъ нѣтъ, — и дѣлать нечего. Вы должны будете ворошиться. Но вѣроятно вы не встрѣтите никого. Дѣвушки сидятъ у себя, всѣ въ одной комнатѣ. Изъ передней ступайте на-лѣво, идите все прямо до Графининой спальни. Въ спальнѣ за ширмами увидите двѣ маленькія двери: справа въ кабинетъ, куда Графиня никогда не входитъ; слѣва въ коридоръ, и тутъ же узенькая витая лѣстница: она ведетъ въ мою комнату. »

Германнъ трепеталъ, какъ тигръ, ожидая назначеннаго времени. Въ десять часовъ вечера онъ ужъ стоялъ передъ домомъ Графини. Погода была ужасная: вѣтеръ вылъ, мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; фонари свѣтились тускло; улицы были пусты. Изрѣдка тянулся Ванька на тощей клячѣ своей, вы-

смашривая запоздалаго сѣдока. — Германнъ спояль въ одномъ сюртукѣ, не чувствуя ни вѣпра, ни снѣга. Наконецъ Графинину карету подали. Германнъ видѣлъ, какъ лакеи вынесли подъ руки сгорбленную старуху, укутанную въ соболью шубу, и какъ вослѣдъ за нею, въ холодномъ плащѣ, съ головой, убранною свѣжими цвѣтами, мелькнула ея воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатилась по рыхлому снѣгу. Швейцаръ заперъ двери. Окна померкли. Германнъ сталъ ходить около опустѣвшаго дома: онъ подошелъ къ фонарю, взглянулъ на часы, — было двадцать минутъ двѣнадцатаго. Онъ остался подъ фонаремъ, устремивъ глаза на часовую стрѣлку и выжидая остальныя минуты. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Германнъ ступилъ на Графинино крыльцо и взошелъ въ яркоосвѣщенныя сѣни. Швейцара не было. Германнъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, отворилъ двери въ переднюю, и увидѣлъ слугу, спящаго подъ лампою, въ старинныхъ, заначканныхъ креслахъ. Легкимъ и твердымъ шагомъ Германнъ прошелъ мимо его. Зала и гостиная были темны.

Лампа слабо освѣщала ихъ изъ передней. Германнъ вошелъ въ спальню. Передъ кивотомъ, наполненнымъ стариннными образами, теплилась золотая лампада. Полинялыя штофныя кресла и диваны съ пуховыми подушками, съ сошедшей позолотою, стояли въ печальной симетріи около стѣнъ, обитыхъ Китайскими обоями. На стѣнѣ висѣли два портрета, писанные въ Парижѣ Mе Lebrun. Одинъ изъ нихъ изображалъ мужчину лѣтъ сорока, румянаго и полнаго, въ свѣтлозеленомъ мундирѣ и со звѣздою; другой, молодую красавицу съ орлинымъ носомъ, съ зачесанными висками и съ розою въ пудренныхъ волосахъ. По всѣмъ угламъ торчали фарфоровыя пастушки, столовые часы работы славнаго Leroy, коробочки, рулетки, вѣера и разныя дамскія игрушки, изобрѣтенныя въ концѣ минувшаго столѣтія вмѣстѣ съ Монгольфьеровымъ шаромъ и Месмеровымъ магнетизмомъ. Германнъ пошелъ за ширмы. За ними стояла маленькая желѣзная кровать; справа находилась дверь, ведущая въ кабинетъ; слѣва, другая въ корридоръ. Германнъ ее отворилъ, увидѣлъ узкую, ви-

тую лѣстницу, которая вела въ комнашу бѣдной воспипанницы.... Но онъ ворошился и вошелъ въ темный кабинешъ.

Время шло медленно. Все было тихо. Въ гостиной пробило двѣнадцашь; по всѣмъ комнашамъ часы одни за другими прозвонили двѣнадцашь, — и всѐ умолкло опяшь. Германнъ стоялъ, прислонясь къ холодной печкѣ. Онъ былъ спокоенъ; сердце его билось ровно, какъ у человѣка, рѣшившагося на чшо-нибудь опасное, но необходимое. Часы пробили первый и вшорой часъ ушра, — и онъ услышалъ дальній спукъ карешы. Невольное волненіе овладѣло имъ. Кареша подъѣхала и осшановилась. Онъ услышалъ спукъ опускаемой подножки. Въ домѣ засуешились. Люди побѣжали, раздались голоса и домъ освѣшился. Въ спальню вбѣжали шри спарыя горничныя, и Графиня, чушь живая, вошла, и опусшилась въ Вольшеровы кресла. Германнъ глядѣлъ въ щелку: Лизавеша Ивановна прошла мимо его. Германнъ услышалъ ея шороплпвые шаги по спупенямъ ея лѣспницы. Въ сердцѣ его отозвалось нѣчшо по-

хожее на угрызеніе совѣсти, и снова умолкло. Онъ окаменѣлъ.

Графиня стала раздѣваться передъ зеркаломъ. Откололи съ нее чепецъ, украшенный розами; сняли напудренный парикъ съ ея сѣдой и плотно остриженой головы. Булавки дождемъ сыпались около нея. Желтое платье, шитое серебромъ, упало къ ея распухлымъ ногамъ. Германнъ былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ таинствъ ея туалета: наконецъ, Графиня осталась въ спальной кофтѣ и ночномъ чепцѣ: въ этомъ нарядѣ, болѣе свойственномъ ея старости, она казалась менѣе ужасна и безобразна.

Какъ и всѣ старые люди вообще, Графиня страдала безсонницею. Раздѣвшись, она сѣла у окна въ Вольтеровы кресла, и отослала горничныхъ. Свѣчи вынесли, комната опять освѣтилась одною лампадою. Графиня сидѣла вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налѣво. Въ мутныхъ глазахъ ея изображалось совершенное отсутствіе мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качаніе страшной старухи

происходило не отъ ея воли, но по дѣйствію скрытаго гальванизма.

Вдругъ это мертвое лицо измѣнилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: передъ Графинею стоялъ незнакомый мужчина.

— Не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь! сказалъ онъ внятнымъ и тихимъ голосомъ. Я не имѣю намѣренія вредить вамъ; я пришелъ умолять васъ объ одной милости.

Старуха молча смотрѣла на него и, казалось, его не слыхала. Германнъ вообразилъ, что она глуха, и наклонясь надъ самымъ ея ухомъ повторилъ ей то же самое. Старуха молчала по-прежнему.

— Вы можете, продолжалъ Германнъ, составить счастіе моей жизни, и оно ничего не будетъ вамъ стоить: я знаю, что вы можете угадать три карты сряду....

Германнъ остановился. Графиня казалось, поняла, чего отъ нее требовали; казалось, она искала словъ для своего отвѣта.

— Это была шутка, сказала она наконецъ: клянусь вамъ! это была шутка!

— Этимъ нечего шутить, возразилъ сердито Германнъ. Вспомните Чаплицкаго, которому помогли вы отыграться.

Графиня видимо смутилась. Черты ея изобразили сильное движеніе души, но она скоро впала въ прежнюю безчувственность.

— Можете ли вы, продолжалъ Германнъ, назначить мнѣ эти три вѣрныя карты?

Графиня молчала; Германнъ продолжалъ:

— Для кого вамъ беречь вашу тайну? Для внуковъ? Они богаты и безъ того; они же не знаютъ и цѣны деньгамъ. Тотъ не помогутъ ваши три карты. Кто не умѣетъ беречь отцовское наслѣдство, тотъ все-таки умретъ въ нищетѣ, не смотря ни на какія демонскія усилія. Я не тотъ; я знаю цѣну деньгамъ. Ваши три карты для меня не пропадутъ. Ну!....

Онъ остановился, и съ трепетомъ ожидалъ ея отвѣта. Графиня молчала; Германнъ сталъ на колѣни.

— Если когда нибудь, сказалъ онъ, сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ея восторги, если вы хоть разъ улыбнулись при плачѣ новорожденнаго сына, если

что нибудь человѣческое билось когда-нибудь въ груди вашей, то умоляю васъ чувствами супруги, любовницы, матери, — всѣмъ, что ни есть святаго въ жизни, — не откажите мнѣ въ моей просьбѣ! — откройте мнѣ вашу тайну! — что вамъ въ ней?.... Можетъ-быть, она сопряжена съ ужаснымъ грѣхомъ, съ пагубою вѣчнаго блаженства, съ дьявольскимъ договоромъ.... Подумайте: вы стары; жить вамъ ужъ недолго, — я готовъ взять грѣхъ вашъ на свою душу. Откройте мнѣ только вашу тайну. Подумайте, что счастіе человѣка находится въ вашихъ рукахъ; что не только я, но дѣти мои, внуки и правнуки благословятъ вашу память и будутъ ее чтить, какъ святыню....

Старуха не отвѣчала ни слова.

Германнъ всталъ.

— Старая вѣдьма! сказалъ онъ, стиснувъ зубы: такъ я жъ заставлю тебя отвѣчать....

Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ.

При видѣ пистолета Графиня во второй разъ оказала сильное чувство. Она закивала головою, и подняла руку, какъ бы заслоняясь отъ выстрѣла.... Потомъ покатилась навзничь... и осталась недвижима.

— Перестаньте ребячиться, сказалъ Германнъ, взявъ ея руку. Спрашиваю въ послѣдній разъ: хотите ли назначить мнѣ ваши три карты? — да или нѣтъ?

Графиня не отвѣчала. Германнъ увидѣлъ, что она умерла.

IV.

7 Mai 18**.

Homme sans moeurs et sans religion!

Переписка.

Лизавета Ивановна сидѣла въ своей комнатѣ, еще въ бальномъ своемъ нарядѣ, погруженная въ глубокія размышленія. Пріѣхавъ домой, она спѣшила отослать заспанную дѣвку, нехотя предлагавшую ей свою услугу, — сказала, что раздѣнется сама, и съ трепетомъ вошла къ себѣ, надѣясь найти тамъ Германна, и желая не найти его. Съ перваго взгляда она удостовѣрилась въ его отсутствіи, и благодарила судьбу за препятствіе, помѣшавшее ихъ свиданію. Она сѣла, не раздѣваясь, и стала припоминать всѣ обстоятельства, въ такое короткое время и такъ далеко ее завлекшія. Не прошло трехъ недѣль съ той поры, какъ она въ

первый разъ увидѣла въ окошко молодаго человѣка, — и уже она была съ нимъ въ перепискѣ, — и онъ успѣлъ выпребовать отъ нея ночное свиданіе! Она знала имя его, потому только, что нѣкоторыя изъ его писемъ были имъ подписаны; никогда съ нимъ не говорила, не слыхала его голоса, никогда о немъ не слыхала.... до самаго сего вечера. Странное дѣло! Въ самый тотъ вечеръ, на балѣ, Томскій дуясь на молодую Княжну Полину ***, которая, пробивъ обыкновенія, кокетничала не съ нимъ, желалъ отомстить, оказывая равнодушіе: онъ позвалъ Елисавету Ивановну, и танцовалъ съ нею безконечную мазурку. Во все время шутилъ онъ надъ ея пристрастіемъ къ инженернымъ офицерамъ, увѣрялъ, что онъ знаетъ гораздо болѣе, нежели можно было ей предполагать, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были такъ удачно направлены, что Елисавета Ивановна думала нѣсколько разъ, что ея тайна была ему извѣстна.

— Отъ кого вы все это знаете? спросила она, смѣясь.

— Отъ пріятеля извѣстной вамъ особы, отвѣчалъ Томскій: человѣка очень замѣчательнаго!

— Кто жъ этотъ замѣчательный человѣкъ?

— Его зовутъ Германномъ.

Елизавета Ивановна не отвѣчала ничего, но ея руки и ноги поледенѣли....

— Этотъ Германнъ, продолжалъ Томскій, лице истинно романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совѣсти по крайней мѣрѣ три злодѣйства. Какъ вы поблѣднѣли!....

— У меня голова болитъ.... Что же говорилъ вамъ Германнъ, — или какъ бишь его?....

— Германнъ очень недоволенъ своимъ пріятелемъ: онъ говоритъ, что на его мѣстѣ онъ поступилъ бы совсѣмъ иначе.... Я даже полагаю, что Германнъ самъ имѣетъ на васъ виды, по крайней мѣрѣ онъ очень неравнодушно слушаетъ влюбленныя восклицанія своего пріятеля.

— Да гдѣ жъ онъ меня видѣлъ?

— Въ церкви, можетъ-быть, — на гуляньѣ!.... Богъ его знаетъ! можетъ-быть въ вашей комнатѣ, во время вашего сна: отъ него станетъ...

Подошедшія къ нимъ три дамы съ вопросами — oubli ou regret? — прервали разговоръ, который становился мучительно любопытенъ для Лизаветы Ивановны.

Дама, выбранная Томскимъ, была сама Княжна ***. Она успѣла съ нимъ изъясниться, обѣжавъ лишній кругъ и лишній разъ повертѣвшись передъ своимъ стуломъ. — Томскій, возвратясь на свое мѣсто, уже не думалъ ни о Германнѣ, ни о Лизаветѣ Ивановнѣ. Она непремѣнно хотѣла возобновить прерванный разговоръ; но мазурка кончилась, и вскорѣ послѣ старая Графиня уѣхала.

Слова Томскаго были не что иное, какъ мазурочная болтовня, но они глубоко заронились въ душу молодой мечтательницы. Портретъ, набросанный Томскимъ, сходствовалъ съ изображеніемъ составленнымъ ею самою, и, благодаря новѣйшимъ романамъ, это, уже пошлое лице, пугало и плѣняло ея воображеніе. Она сидѣла, сложа

крепкомъ голыя руки, наклонивъ на открытую грудь голову, еще убранную цвѣтами.... Вдругъ дверь отворилась, и Германнъ вошелъ. Она запрепетала....

— Гдѣ же вы были? спросила она испуганнымъ шепотомъ.

— Въ спальнѣ у старой Графини, отвѣчалъ Германнъ: я сей часъ отъ нее. Графиня умерла.

Боже мой!... что вы говорите?...

— И кажется, продолжалъ Германнъ, я причиною ея смерти.

Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томскаго раздались въ ея душѣ: *у этого человѣка по крайней мѣрѣ три злодѣйства на душѣ!* Германнъ сѣлъ на окошко подлѣ нее, и все разсказалъ.

Лизавета Ивановна выслушала его съ ужасомъ. И такъ эти страстныя письма, эти пламенныя требованія, это дерзкое, упорное преслѣдованіе, все это было не любовь! Деньги, — вотъ чего алкала его! Не она могла утолить его желанія и осчастливить его! Бѣдная воспитанница была не что иное, какъ слѣпая помощница разбойника,

убійцы старой ея благодѣтельницы! .... Горько заплакала она, въ позднемъ, мучительномъ своемъ раскаяніи. Германнъ смотрѣлъ на нее, молча: сердце его также терзалось, но ни слезы бѣдной дѣвушки, ни удивительная прелесть ея горести не тревожили суровой души его. Онъ не чувствовалъ угрызенія совѣсти при мысли о мертвой старухѣ. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, отъ которой ожидалъ обогащенія.

— Вы чудовище! сказала наконецъ Лизавета Ивановна.

Я не хотѣлъ ея смерти, отвѣчалъ Германнъ: пистолетъ мой не заряженъ.

Они замолчали.

Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догарающую свѣчу: блѣдный свѣтъ озарилъ ея комнату. Она отерла заплаканныя глаза, и подняла ихъ на Германна: онъ сидѣлъ на окошкѣ, сложа руки и грозно нахмурясь. Въ этомъ положеніи удивительно напоминалъ онъ портретъ Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну.

— Какъ вамъ выйти изъ дому? сказала наконецъ Лизавета Ивановна. Я думала провести васъ по потаенной лѣстницѣ, но надобно итти мимо спальни, а я боюсь.

— Разскажите мнѣ, какъ найти эту потаенную лѣстницу; я выйду.

Лизавета Ивановна встала, вынула изъ комода ключъ, вручила его Германну и дала ему подробное наставленіе. Германнъ пожалъ ея холодную, безотвѣтную руку, поцѣловалъ ея наклоненную голову, и вышелъ.

Онъ спустился внизъ по вишой лѣстницѣ, и вошелъ опять въ спальню Графини. Мертвая старуха сидѣла, окаменѣвъ; лице ея выражало глубокое спокойствіе. Германнъ остановился передъ нею, долго смотрѣлъ на нее, какъ бы желая удостовѣриться въ ужасной истинѣ; наконецъ вошелъ въ кабинетъ, ощупалъ за обоями дверь, и сталъ сходить по темной лѣстницѣ, волнуемый странными чувствованіями. По этой самой лѣстницѣ, думалъ онъ, можетъ-быть лѣтъ шестьдесятъ назадъ, въ эту самую спальню, въ такой же часъ, въ шитомъ кафтанѣ, причесанный à l'oiseau royal, прижимая

къ сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливецъ, давно уже истлѣвшій въ могилѣ, а сердце престарѣлой его любовницы сего дня перестало биться....

Подъ лѣстницею Германнъ нашелъ дверь, которую отперъ тѣмъ же ключемъ, и очутился въ сквозномъ корридорѣ, выведшемъ его на улицу.

V.

Въ эту ночь явилась ко мнѣ покойница Баронесса фонъ-В*. Она была вся въ бѣломъ, и сказала мнѣ: «Здравствуйте, господинъ Совѣтникъ!»**

Шведенборгъ.

Три дня послѣ роковой ночи, въ девять часовъ утра, Германнъ отправился въ *** монастырь, гдѣ должны были отпѣвать тѣло усопшей Графини. Не чувствуя раскаянія, онъ не могъ однако совершенно заглушить голосъ совѣсти, твердившей ему: ты убійца старухи! Имѣя мало истинной Вѣры, онъ имѣлъ множество предразсудковъ. Онъ вѣрилъ, что мертвая Графиня могла имѣть вредное вліяніе на его жизнь, — и рѣшился явиться на ея похороны, чтобы испросить у ней прощенія.

Церковь была полна. Германнъ насилу могъ пробраться сквозь толпу народа. Гробъ стоялъ на богатомъ катафалкѣ подъ бархатнымъ балдахиномъ. Усопшая лежала въ немъ съ руками, сложенными на груди, въ кружевномъ чепцѣ и въ бѣломъ атласномъ платьѣ. Кругомъ стояли ея домашніе: слуги въ черныхъ кафтанахъ съ гербовыми лентами на плечѣ, и со свѣчами въ рукахъ; родственники въ глубокомъ траурѣ, — дѣти, внуки и правнуки. Никто не плакалъ; слезы были бы — une affectation. Графиня такъ была стара, что смерть ея никого не могла поразить, и что ея родственники давно смотрѣли на нее, какъ на отжившую. Молодой Архіерей произнесъ надгробное слово. Въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ представилъ онъ мирное успеніе праведницы, которой долгіе годы были тихимъ, умилительнымъ приготовленіемъ къ Христіанской кончинѣ. «Ангелъ смерти обрѣлъ ее, сказалъ оратоpъ, бодрствующую въ помышленіяхъ благихъ и въ ожиданіи жениха полунощнаго.» Служба совершилась съ печальнымъ приличіемъ. Родственники

первые пошли прощаться съ шѣломъ. Потомъ двинулись и многочисленные гости, пріѣхавшіе поклониться той, которая такъ давно была участницею въ ихъ суетныхъ увеселеніяхъ. Послѣ нихъ и всѣ домашніе. Наконецъ приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Двѣ молодыя дѣвушки вели ее подъ руки. Она не въ силахъ была поклониться до земли, — и одна пролила нѣсколько слезъ, поцѣловавъ холодную руку госпожи своей. Послѣ нее Германнъ рѣшился подойти ко гробу. Онъ поклонился въ землю, и нѣсколько минутъ лежалъ на холодномъ полу усыпанномъ ельникомъ. Наконецъ приподнялся, блѣденъ какъ сама покойница, взошелъ на ступени катафалка и наклонился... Въ эту минуту показалось ему что мертвая насмѣшливо взглянула на него, прищуривая однимъ глазомъ. Германнъ, поспѣшно подавшись назадъ, оступился, и навзничь грянулся объ земь. Его подняли. Въ то же самое время Лизавету Ивановну вынесли въ обморокѣ на паперть. Этотъ эпизодъ возмутилъ на нѣсколько минутъ торжественность мрач-

наго обряда. Между посѣтителями поднялся глухой ропотъ, а худощавый Каммергеръ, близкій родственникъ покойницы, шепнулъ на ухо стоящему подлѣ него Англичанину, что молодой офицеръ ея побочный сынъ, на что Англичанинъ отвѣчалъ холодно: Oh?

Цѣлый день Германнъ былъ чрезвычайно разстроенъ. Обѣдая въ уединенномъ трактирѣ, онъ, противъ обыкновенія своего, пилъ очень много, въ надеждѣ заглушить внутреннее волненіе. Но вино еще болѣе горячило его воображеніе. Возвратясь домой, онъ бросился, не раздѣваясь, на кровать, и крѣпко заснулъ.

Онъ проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Онъ взглянулъ на часы: было безъ четверти три. Сонъ у него прошелъ; онъ сѣлъ на кровать, и думалъ о похоронахъ старой Графини.

Въ это время, кто-то съ улицы взглянулъ къ нему въ окошко, — и тотчасъ отошелъ. Германнъ не обратилъ на то ни какого вниманія. Чрезъ минуту услышалъ онъ, что отпирали дверь въ передней ком-

нашѣ. Германнъ думалъ, что денщикъ его, пьяный по своему обыкновенію, возвращался съ ночной прогулки. Но онъ услышалъ незнакомую походку: кто-то ходилъ, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась, вошла женщина въ бѣломъ платьѣ. Германнъ принялъ ее за свою старую кормилицу, и удивился, что могло привести ее въ такую пору. Но бѣлая женщина, скользнувъ, очутилась вдругъ передъ нимъ, — и Германнъ узналъ Графиню!

— Я пришла къ тебѣ противъ своей воли, сказала она твердымъ голосомъ: но мнѣ велѣно исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и тузъ выиграютъ тебѣ сряду, — но съ тѣмъ, чтобы ты въ сутки болѣе одной карты не ставилъ, и чтобъ во всю жизнь уже послѣ не игралъ. Прощаю тебѣ мою смерть, съ тѣмъ, чтобъ ты женился на моей воспитанницѣ Лизаветѣ Ивановнѣ....

Съ этимъ словомъ она тихо повернулась, пошла къ дверямъ, и скрылась, шаркая туфлями. Германнъ слышалъ, какъ хлопнула дверь въ сѣняхъ, и увидѣлъ, что кто-то опять поглядѣлъ къ нему въ окошко.

Германнъ долго не могъ опомниться. Онъ вышелъ въ другую комнату. Денщикъ его спалъ на полу; Германнъ насилу его добудился. Денщикъ былъ пьянъ по обыкновенію: отъ него нельзя было добиться ни какого толку. Дверь въ сѣни была заперта. Германнъ возвратился въ свою комнату, засвѣтилъ свѣчку, и записалъ свое видѣніе.

VI.

— *Атàнде!*
— Какъ вы смѣли мнѣ сказать *атàнде?*
— Ваше Превосходительство, я сказалъ *атàнде-съ!*

Двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной Природѣ, такъ же, какъ два тѣла не могутъ въ физическомъ мірѣ занимать одно и то же мѣсто. Тройка, семерка, тузъ — скоро заслонили въ воображеніи Германна образъ мертвой старухи. Тройка, семерка, тузъ — не выходили изъ его головы и шевелились на его губахъ. Увидѣвъ молодую дѣвушку, онъ говорилъ: — Какъ она стройна! .... Настоящая тройка червонная. У него спрашивали: который часъ: онъ отвѣчалъ: — безъ пяти минутъ семерка. — Всякой пузастый мужчина напоминалъ ему туза. Тройка,

семерка, шузъ — преслѣдовали его во снѣ, принимая всѣ возможные виды. Тройка цвѣла передъ нимъ въ образѣ пышнаго грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, шузъ огромнымъ паукомъ. Всѣ мысли его слились въ одну, — воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила. Онъ сталъ думать объ отставкѣ и о путешествіи. Онъ хотѣлъ въ открытыхъ игрецкихъ домахъ Парижа вынудить кладъ у очарованной фортуны. Случай избавилъ его отъ хлопотъ.

Въ Москвѣ составилось общество богатыхъ игроковъ, подъ предсѣдательствомъ славнаго Чекалинскаго, проведшаго весь вѣкъ за картами и нажившаго нѣкогда милліоны, выигрывая векселя и проигрывая чистыя деньги. Долговременная опытность заслужила ему довѣренность товарищей, а открытый домъ, славный поваръ, ласковость и веселость пріобрѣли уваженіе публики. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Молодежь къ нему нахлынула, забывая балы для картъ и предпочитая соблазны фараона обольщеніямъ волокитства. Нарумовъ привезъ къ нему Германна.

Они прошли рядъ великолѣпныхъ комнатъ, наполненныхъ учтивыми офиціантами. Нѣсколько Генераловъ и Тайныхъ Совѣтниковъ играли въ вистъ; молодые люди сидѣли, развалясь на штофныхъ диванахъ, ѣли мороженое и курили трубки. Въ гостиной за длиннымъ столомъ, около конораго тѣснилось человѣкъ двадцать игроковъ, сидѣлъ хозяинъ и металъ банкъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, самой почтенной наружности; голова, покрыта была серебряной сѣдиною; полное и свѣжее лице изображало добродушіе; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою. Нарумовъ представилъ ему Германна. Чекалинскій дружески пожалъ ему руку, просилъ не церемонишься, и продолжалъ метать.

Талья длилась долго. На столѣ стояло болѣе тридцати картъ. Чекалинскій останавливался послѣ каждой прокидки, чтобы дать играющимъ время распорядиться, записывалъ проигрышъ, учтиво вслушивался въ ихъ требованія, еще учтивѣе отгибалъ лишній уголъ, загибаемый разсѣянною рукою. Наконецъ талья кончилась. Чекалинскій

спасовалъ карты, и приготовился метать другую.

— Позвольте поставить карту, сказалъ Германнъ протягивая руку изъ-за толстаго господина, тутъ-же понтировавшаго. Чекалинскій улыбнулся и поклонился, молча, въ знакъ покорнаго согласія. Нарумовъ, смѣясь, поздравилъ Германна съ разрѣшеніемъ долговременнаго поста, и пожелалъ ему счастливаго начала.

— Идетъ! сказалъ Германнъ, надписавъ мѣломъ кушъ надъ своею картою.

— Сколько-съ? спросилъ, прищуриваясь, банкометъ: извините-съ, я не разгляжу.

— Сорокъ семь тысячъ, отвѣчалъ Германнъ.

При этихъ словахъ, всѣ головы обратились мгновенно, и всѣ глаза устремились на Германна. — Онъ съ ума сошелъ! подумалъ Нарумовъ.

— Позвольте замѣтить вамъ, сказалъ Чекалинскій съ неизмѣнной своею улыбкою, что игра ваша сильна: никто болѣе двухъ сотъ семи десяти пяти семпелемъ здѣсь еще не ставилъ.

— Что жъ? возразилъ Германнъ: бьете вы мою карту или нѣтъ?

Чекалинскій поклонился съ видомъ того же смиреннаго согласія.

— Я хотѣлъ только вамъ доложить, сказалъ онъ, что, будучи удостоенъ довѣренности товарищей, я не могу метать иначе, какъ на чистыя деньги. Съ моей стороны я конечно увѣренъ, что довольно вашего слова, но для порядка игры и счетовъ, прошу васъ поставить деньги на карту.

Германнъ вынулъ изъ кармана банковый билетъ, и подалъ его Чекалинскому, который, бѣгло посмотрѣвъ его, положилъ на Германнову карту.

Онъ сталъ метать. На право легла девятка, на лѣво тройка.

— Выиграла! сказалъ Германнъ, показывая свою карту.

Между игроками поднялся шопотъ. Чекалинскій нахмурился, но улыбка тотчасъ возвратилась на его лице.

— Изволите получить? спросилъ онъ Германна.

— Сдѣлайте одолженіе.

Чекалинскій вынулъ изъ кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ, и тотчасъ расчелся. Германнъ принялъ свои деньги и отошелъ отъ стола. Нарумовъ не могъ опомниться. Германнъ выпилъ стаканъ лимонаду и отправился домой.

На другой день вечеромъ, онъ опять явился у Чекалинскаго. Хозяинъ металъ. Германнъ подошелъ къ столу; понтеры тотчасъ дали ему мѣсто. Чекалинскій ласково ему поклонился.

Германнъ дождался новой тальи, поставилъ карту, положивъ на нее свои сорокъ семь тысячъ и вчерашній выигрышъ.

Чекалинскій сталъ метать. Валетъ выпалъ на право, семерка на лѣво.

Германнъ открылъ семерку.

Всѣ ахнули. Чекалинскій видимо смутился. Онъ отсчиталъ дрянностно четыре тысячи и передалъ Германну. Германнъ принялъ ихъ съ хладнокровіемъ, и въ ту же минуту удалился.

Въ слѣдующій вечеръ Германнъ явился опять у стола. Всѣ его ожидали. Генералы

и Тайные Совѣтники оставили свой вистъ, чтобъ видѣть игру, столь необыкновенную. Молодыя офицеры соскочили съ диванов; всѣ офиціанты собрались въ гостиной. Всѣ обступили Германна. Прочіе игроки не поставили своихъ картъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, чѣмъ онъ кончитъ. Германнъ стоялъ у стола, готовясь одинъ понтировать противу блѣднаго, но все улыбающагося, Чекалинскаго. Каждый распечаталъ колоду картъ. Чекалинскій стасовалъ. Германнъ снялъ, и поставилъ свою карту, покрывъ ее кипой банковыхъ билетовъ. Это похоже было на поединокъ. Глубокое молчаніе царствовало кругомъ.

Чекалинскій сталъ метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налѣво тузъ.

— Тузъ выигралъ! сказалъ Германнъ, и открылъ свою карту.

— Дама ваша убита, сказалъ ласково Чекалинскій.

Германнъ вздрогнулъ: въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто туза у него стояла пиковая дама. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, не понимая, какъ могъ онъ обдернуться.

Въ эту минуту ему показалось; что пиковая дама прищурилась и усмѣхнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

— Спаруха! закричалъ онъ въ ужасѣ.

Чекалинскій потянулъ къ себѣ проигранные билеты. Германнъ стоялъ неподвижно. Когда отошелъ онъ отъ стола, поднялся шумный говоръ. — Славно спонтировалъ! говорили игроки. — Чекалинскій снова спасовалъ каршы: игра пошла своимъ чередомъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Германнъ сошелъ съ ума. Онъ сидитъ въ Обуховской больницѣ въ 17 нумерѣ, не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы, и бормочетъ необыкновенно скоро: — Тройка, семерка, шузъ! Тройка, семерка, дама!...

Лизавета Ивановна вышла замужъ за очень любезнаго молодаго человѣка; онъ гдѣ-то служитъ и имѣетъ порядочное состояніе: онъ сынъ бывшаго управителя у старой Графини. У Лизаветы воспитывается бѣдная родственница.

Томскій произведенъ въ Ротмистры и женится на Княжнѣ Полинѣ.

Р.

VII.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ..... 10 р.

VIII.

ГРАФЪ НУЛИНЪ..... 3.

IX.

ЦЫГАНЫ..... 5.

X.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ..... 1.

XI.

ЕВГЕНІЙ ОНЕГИНЪ. (Полный)..... 12.

XII.

Въ скоромъ времени поступитъ въ продажу

ИСТОРІЯ ПУГАЧОВСКАГО БУНТА.

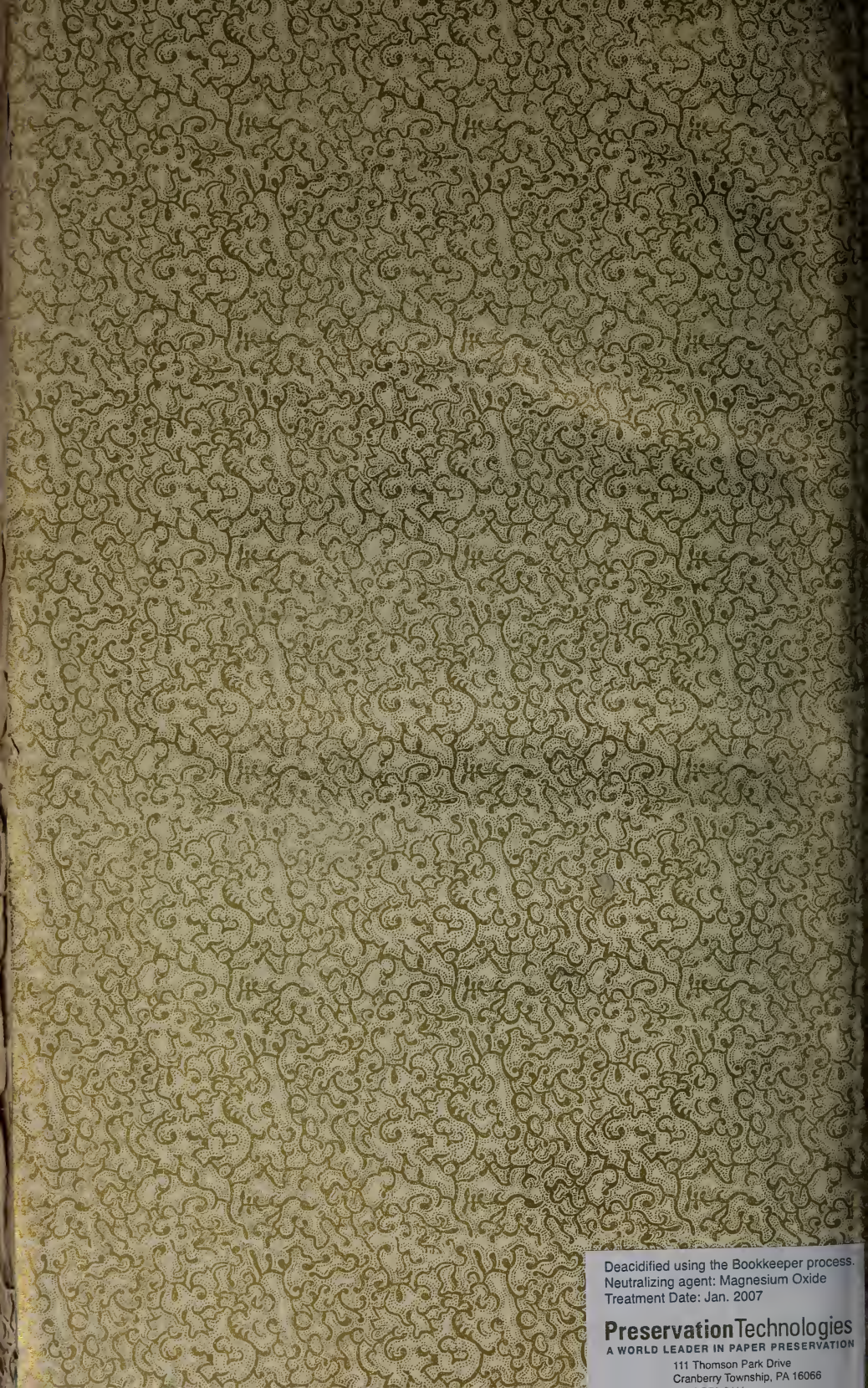
Въ двухъ томахъ..... 20.

съ пересылкою .. 22.

За прочіе званія за пересылку въ города прилагается особо по 1 рублю.

Б-ка Никитъ
В. Н. КЛОЧКОВЪ
Литейный пр. 55
Петербургъ

Продаются въ С. Петербургѣ въ книжной
лаквѣ подъ № 25
Андрея Глазунова,
Иногородныя адресуются на имя управля-
ющаго лавкою
Ивана Лисенкова.



Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

LIBRARY OF CONGRESS
00025262190